



## ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА \*).

1862-й годъ.

**П**ривилегіи, исключительности, монополіи почти нѣтъ мѣста, и перепуганныя, онѣ разсыпаются въ искательствахъ (*obsequiis protegenda*). Грубѣютъ мысль и идеалы, нисходя въ плотные слои народа и, разливаясь въ этихъ полудикихъ натурахъ, возвышаютъ ихъ, и понижаютъ природы высшія, нивелируя уровень, ломая учрежденія и личности, вырабатывая гражданина и человѣка.

Два явленія особенно тяжко отозвались на народахъ: задолжаніе правительствъ и вздорожаніе цѣнностей. Исключая Англии и Пруссіи, гдѣ откровенный парламентаризмъ спасаетъ отъ увлеченій, и не говоря объ Австріи и Италіи, изъ которыхъ одна не сложилась, а другая разлагается, мы упомянемъ о Франціи и Россіи. Задолжаніе ихъ приближаетъ къ банкротству, и правительства обѣихъ державъ, можетъ быть, поздно обратились къ обществу. Во Франціи, по докладу Фульда, изменены и расположеніе, и разсмотрѣніе бюджета. Въ виду Ноябрьскаго декрета уступка не велика, но уступка есть. Тамъ нація и природа богаты, и государство поправится. У насъ совсѣмъ другое. У насъ—страшно сказать—нѣтъ денежной единицы. Императоръ Николай, начавъ войну не по средствамъ, велъ ее на бумагѣ. Бумага говорила ему о составѣ арміи и распорядительности командующихъ, бумага платила продовольствіе и жалованье. Эта бумажная система вытѣснила дѣйствительную и съ того времени царствуетъ безвозвратно. 1861-й годъ ее ослабилъ, и это его заслуга. Мы серьезно думаемъ о кредитѣ, мы только въ крайности обращаемся къ займамъ. 1861-й годъ убѣдилъ, что внѣшній

\*) см. выше стр. 216.

заемъ для насъ невозможенъ, а внутренній роняетъ курсъ и увеличиваетъ дороговизну. Остается пожелать, чтобы мы убѣдились въ необходимости отчета, гласности и учета. Мы чрезвычайно расточительны и непроизводительны, а между тѣмъ думаемъ о возвышеніи податей.

Крѣпостной вопросъ еще вполне не выразился. Онъ грозитъ обнищаніемъ, и съ 1861 года оно уже началось, хотя прежніе запасы еще даютъ роздыхъ. Едва-ли когда нибудь общество бывало въ такомъ открытомъ разладѣ съ правительствомъ. Три мѣсяца высшая власть возилась со студентами. трехъ министровъ просвѣщенія видѣлъ одинъ годъ. Участіе общества къ студентамъ выразилось повсемѣстно. Публицистика отъ обличеній и личностей возвысилась до вводныхъ статей, которыя въ прямыхъ и довольно смѣлыхъ выраженіяхъ развиваютъ мысли о конституціи. Смѣлость этихъ статей въ „Сѣверной Пчелѣ“, иногда и въ „Инвалидѣ“, но особенно въ „Днѣ“ Аксакова доходитъ до дерзости. Должно однако замѣтить, что съ окончаніемъ крѣпостного вопроса статьи прежнихъ доктринъ, возстановлявшихъ сословіе противъ сословія, почти прекратились. Точно это дѣлаемо по системѣ. Уменьшилась лихорадка обществъ и журналовъ. Цѣна на хлѣбъ, противъ 1854 г. (1 к. фунтъ) удвоилась и даже утроилась (2<sup>1</sup>/<sub>2</sub> к.).

У насъ теперь очень много говорятъ и пишутъ о реформахъ въ правосудіи. Дѣйствительно, безъ нихъ все другія улучшенія не полны и едва-ли даже состоятельны. Но не далеко-ли идутъ наши требованія? Не хотимъ ли завоеваніемъ гарантій ослабить силу правительства, отъ котораго много терпѣли, и дать поприще талантамъ и краснорѣчію, которые были сдавлены произволомъ? Я думаю, что, ища огражденій въ гласности и адвокатахъ, мы только переносимъ, перемѣняемъ одну зависимость на другую. Эта госпожа гласность и эти господа адвокаты дѣлаются новыми могуществами, которыя не чужды произвола, но которыя стѣдять очень дорого. Они любятъ деньги. Процессъ князей Воронцова и Долгорукаго былъ обставленъ всеми атрибутами зрѣлица, и адвокаты и прокуроръ потратили краснорѣчія на десятки тысячъ франковъ, а современный ему процессъ шайки между Самброй и Мозелемъ прошелъ смирнехонько, безъ всякихъ краснорѣчій, но кончился осужденіемъ десяти человѣкъ на смертную казнь.

Я не отвергаю важности этихъ огражденій, но думаю только, что отъ нихъ ожидаютъ болѣе нежели они даютъ и что не здѣсь должно искать кореннаго улучшенія. Гарантіи эти важны въ социальномъ отношеніи. Завоеватели сдѣлались законодателями, установили свои суды, свою полицію, свои батальоны, крѣпостные и тюремные замки. Эти-то завоевательныя правительства были что-то враждебное массѣ народа, а между тѣмъ надобно было постоянно, навсегда и покойно оставаться

въ средѣ этого народа. Начало зла—въ отчужденіи права отъ жизни, въ мудреномъ пониманіи и толкованіи этого права. Дѣло въ томъ, что житейская мудрость, законодательство, сдѣлались ученою мудростію и для народа недоступны. Существо улучшенія въ упрощеніи правосудія, упрощеніи правовѣдѣнія и законодательства. Мы выбрали другой путь: мы ищемъ улучшенія въ обширной регламентаціи, въ развитіи положительнаго законодательства, въ изысканіи и заимствованіи лучшихъ ся теорій изъ Англіи, Франціи и Германіи, и въ учрежденіи факультетовъ, училищъ и гимназическихъ классовъ права и законовѣдѣнія, т. е. мы ищемъ улучшенія въ умноженіи и усиленіи тѣхъ причинъ, которыя наиболѣе тому препятствуютъ.

Право и законовѣдѣніе существуютъ для народа и какъ бы ни были обширны и усилены орудія ихъ распространенія и усвоенія, адепты ихъ всѣхъ родовъ, считая и искусныхъ и не искусныхъ, всегда составятъ 1 на 10,000 народа; ибо массѣ они всегда останутся недоступны, потому что масса эта все свое время отдаетъ труду и нуждѣ, при которыхъ юридическое воспитаніе невозможно. Мы очень озабочены судами губерній, судами милліона войска и 20 т. флота, это прекрасно, это достохвально; а знаете-ли вы, что 40. болѣе, 60 милліоновъ народа, въ самыхъ насущныхъ своихъ нуждахъ, въ повседневныхъ требованіяхъ не имѣютъ суда и расправляются или въ кабакахъ, сдѣлками чрезъ общую попойку, или на основаніи кулачнаго права. Что значить ваша морская капля наряда въ виду этихъ несудныхъ милліоновъ всего народа? И все это въ Россіи не туземно, всѣ эти Французскія и Нѣмецкія теоріи и формулы, протоколы, ревизіи, кассачіи и апелляціи \*). Но мы имѣемъ и увѣнчиваемъ превосходныя сочиненія „Объ уликахъ“ по Нѣмецкимъ учебникамъ и „Освобожденіе крестьянъ“ въ какомъ-то Голштинскомъ уголкѣ Германіи, а порядочнаго изслѣдованія о судопроизводствѣ Русскомъ до-Петровской реформы мы не имѣемъ, не вызываемъ и вѣрно не желаемъ.

Къ упрощенію правосудія, по мнѣнію моему, ведутъ слѣдующія, встарь намъ нечуждыя, начала: 1, избирательность личнаго состава; 2, соединеніе разныхъ судей при совокупности подсудностей; 3, возможная устность; 4, широкая власть въ выборѣ наказаній—штрафы, арестъ, тѣлесныя наказанія, и 5, своего рода гласность общаго начала. Все это, конечно, въ самомъ несовершенномъ состояніи. Все это, подъ влияніемъ другаго общаго начала: судья кормился судомъ. Если-бы эти на-

---

\*) Замѣчательно, что лучшія мнѣнія, данныя о (Французскомъ) проектѣ морскаго суда (г. Глѣбова), даны не юристами, напр. Буцковскимъ, воспитавшимся въ инженерномъ училищѣ, Громеки, изъ военно-учебныхъ заведеній.

чала постепенно и постоянно вырабатывались, мы имѣли бы, можетъ быть, судопроизводство менѣе неудовлетворительное и во всякомъ случаѣ имѣли бы менѣе нужды и привычки мѣнять его и при всякихъ перемѣнахъ обращаться къ образцамъ иноземнымъ.

Предположеніе капитала Крузенштерна о разработкѣ Печерско-обскаго края, вслѣдствіе нерасположенія Государственнаго Совѣта, не принято и по обыкновенію, затянулось. Ему велѣно предложить иныя условія, и на основаніи ихъ онъ, т. е. Нелидовъ и Латкинъ, его товарищи, измѣнили прежній планъ и ограничились одними торговыми видами. Ихъ прежній планъ имѣлъ цѣлію водвореніе и развитіе населенія и промышленности въ этомъ пустынномъ краѣ, заведеніе тамъ техники, введеніе общежитія и учрежденій управленія, путей сообщенія, плаванія и безопасности. Теперь они просятъ 360 т. деревъ, отъ 8 до 30 арш., въ теченіе 12 лѣтъ, по уменьшенной платѣ и только въ Печерскомъ краѣ. Я не могъ согласиться при этомъ на то, что такъ прежде отстаивалъ: на предоставленіе имъ *исключительности* рубки. Крузенштернъ заслуживаетъ поощренія. Гласные отзывы (Ж. М. Госуд. Им. Декабрь) приписываютъ ему честь открытія Печорскихъ устьевъ, Болванской гавани для иностранныхъ кораблей и первой продажи Печорскаго лѣса. Онъ изучилъ и изслѣдовалъ край, какъ аматёръ и ученый. Онъ сдѣлалъ затраты и положилъ много труда. Но во 1-хъ, затраты не такъ велики и о цифрѣ ихъ нѣтъ рѣчи; во 2-хъ, ему уже два раза предоставлялась рубка безденежно; въ 3-хъ, ему и нынѣ предоставляется рубка по уменьшенной цѣнѣ противъ таксы уже пониженной Палатою; въ 4-хъ, ему извѣстна мѣстность, и ему принадлежитъ сподручность мѣстныхъ способовъ, и въ 5-хъ, должно полагать, что онъ дѣйствовалъ по указаніямъ и при содѣйствіи „иностранныаго агентства“, которое зафрахтовывало корабли для нагрузки Печорскаго лѣса въ Болванской гавани. Это выставяетъ новый предпріятель, Сальковъ, предлагающій совершать операціи по Печорѣ и Оби на общихъ условіяхъ и съ платою всей цѣны по таксѣ.

По этимъ соображеніямъ я отступился отъ прежняго мнѣнія и, не давая товариществу права исключительности, полагаю однако предоставить ему рубку по уменьшеннымъ цѣнамъ палатской таксы. Я согласенъ, что исключительность въ дикомъ Печерскомъ краѣ, въ продолженіи 12 лѣтъ, не составила бы монополіи и не думаю, чтобы вызовъ Салькова представлялъ опасеніе относительное, но полагаю, что Крузенштернъ, получивъ что могъ, не имѣетъ права на исключительность, предполагая дѣйствовать въ однихъ коммерческихъ видахъ товарищества.

А вотъ и указъ о возвышеніи податей\*). Какое тяжелое впечатлѣніе произвелъ онъ на меня, члена комиссіи объ улучшеніи системы податей, гдѣ я заявилъ письменно, что и существующія подати, въ соединеніи съ разными сборами и поборами, не легки для народа: онъ просить убавки. Тяжесть подати явствуетъ уже и изъ того, что въ поступленіи ея всегда оказывается недоимка—этакъ миллионъ въ 240 франковъ, и что подать, по выраженію мѣстныхъ начальствъ, „выбивается“. Ни круговая Татарская порука, ни Муравьевскій Татарскій способъ взысканія, не помогаютъ. А мы увеличиваемъ подать, исчисляемъ, публикуемъ огромный листъ во всѣхъ газетахъ. Какое впечатлѣніе произведетъ это на массу публики? Не стѣснить-ли это законныя сдѣлки не любящія дорогого штемпеля? Не спутаетъ-ли это оклады и безъ того запутанные? Если справедлива пословица: не бойся суда, а бойся судьбы, то не менѣе справедливо и то, что и при нетяжкихъ сборахъ тяжелъ сборщикъ. Да и много-ли выиграетъ казна отъ этого возвышенія? Говорятъ, 7 милл. Я думаю, гораздо болѣе; но и бѣднѣйшая цифра, что это значить? Поправить-ли она наше денежное разстройство? На какія-такія государственныя нужды недостаетъ вамъ денегъ? Неужели расточительность не должна остановиться у крайнихъ предѣловъ? Или возвышеніе ваше не велико—къ чему же вы тревожили народъ? Или оно велико,—тогда на что вы рассчитываете? Есть мнѣніе, что настоящій указъ устраняетъ подать на имущества землевладѣльцевъ (земли и усадьбы) помѣщиковъ; но на чемъ же это мнѣніе основывается?

Нашъ молодой финансистъ Ламанскій разослалъ записку о мѣрахъ къ устройству денежной системы (курса и монетной единицы). Надобно бы составить записку о мѣрахъ водворенія у насъ здраваго смысла. Непримирима татарщина съ европеизмомъ. Безъ послѣдняго мы бы давно исчезли или распались какъ многія, подобныя намъ Азіатскія монархіи. Прежде насъ соединяла вѣра, теперь централизація.

Новый министръ просвѣщенія, Головинъ дѣйствуетъ въ самомъ либеральномъ духѣ. Онъ предполагаетъ дать преподаванію и печати широкую свободу, дозволивъ публичное чтеніе вездѣ и всѣмъ и ограничивъ сочинителей и издателей репрессивною цензурою. Все это прекрасно, но видна какая-то канцелярская замашка въ этихъ широкихъ мѣрахъ. Свободу чтенія онъ основываетъ на правилахъ 1841 г., а свободу печати на отсутствіи цензуры предупредительной даже въ

---

\*) Дѣло это началось и кончено въ Комитетѣ Финансовъ, гдѣ дѣльцами великій князь Константинъ и ст.-секр. его Рейтернъ. Оттуда оно внесено въ общее собраніе Совѣта, гдѣ писанъ и самый указъ.

Австріи. Конечно. Но все это примѣнимо при иныхъ формахъ; при нашихъ учрежденіяхъ свобода преподаванія и печати есть явный подрывъ порядка и власти. Вообще мы потеряли и хозяйственный, и правительственный порядокъ и финансовую, и политическую единицу. Отъ деспотизма единоличнаго мы готовы перейти къ деспотизму вселичному и думаемъ о возможности ихъ совмѣстности.

Не совсѣмъ основательно оставляемъ мы безъ всякаго вниманія (сколько мнѣ впрочемъ извѣстно) учрежденіе папою Піемъ ІХ восточной пропаганды. Это учрежденіе совершенно новое, хотя ему и дается видъ прежняго, старой конгрегаціи. Въ настоящее время, при религіозномъ равнодушіи, при безсиліи правительственнаго начѣла и особенно при возрастающемъ свободномъ распространеніи идей, знаній и мнѣній, партія Гагарина-Печерина и проч. можетъ имѣть такое же вліяніе, какъ и Лондонская партія Герцена, а у насъ религіозное движеніе возможно, нежели гдѣ нибудь, какъ по низости уровня нашего вообще нравственнаго развитія, такъ въ особенности и по безжизненности нашихъ Византійскихъ учений, при господствѣ которыхъ гр. Толстому, кн. Урусову и другимъ отцамъ церкви не сидится, и отъ так. наз. „*Православнаго Обзорнія*“ богослововъ Московской церкви. Булла папы 6 Января встрѣчена и огласилась въ Петербургѣ безъ всякаго впечатлѣнія.

Записка Евген. Ламанскаго „Причины разстройства денежной кредитной системы и средства къ ея восстановленію“ ходитъ по рукамъ и возбуждаетъ толки. Если наша финансовая мудрость прежде состояла въ томъ, чтобы возвышать подати и налоги, печатать ассигнаціи и занимать, то теперь она начинаетъ проявляться пугаломъ банкротства, упадкомъ курса, лишеніемъ кредита. Чиновники министерства только и трубятъ о томъ, что мы пропали. Немудрено, что курсъ не поднимается и займы невозможны. Правительство не оглашаетъ бюджета (который оглашается уже и въ Турціи), а только пишетъ и печатаетъ записки о предстоящемъ кризисѣ, банкротствѣ. Поневоля повѣришь: За чѣмъ бы ему лгать на свой счетъ! А между тѣмъ если оно не лжетъ, то несомнѣнно, весьма преувеличиваетъ опасность, и зловѣщія глашатаи находятъ въ этомъ свою пользу.

Мѣры, предлагаемыя Евг. Ламанскимъ, существенно заключаются въ томъ: 1) чтобы прекратить выпускъ бумажныхъ денегъ, объявивъ объ этомъ торжественнымъ манифестомъ, 2) открыть обмѣнъ кредитныхъ билетовъ въ опредѣленные сроки и 3), равновѣсіе денежнаго рынка возложить на государственный банкъ, сдѣлавъ его общественнымъ и освободивъ отъ всякой зависимости и вліянія отъ финансоваго управленія.

Мнѣ кажется, что гг. Гагемейстеры и Ламанскіе увеличиваютъ кризисъ. Дороговизна вещей доказываетъ, что деньги дешевы, а дешевы онѣ отъ непомѣрнаго выпуска кредитныхъ билетовъ. Но причину безденежья, остановку въ движеніи сдѣлокъ, торговли и вообще рынка должно искать въ событіяхъ, какихъ не видывалъ свѣтъ и къ которымъ Россія не была приготовлена: общія реформы и въ ряду ихъ колоссальное крѣпостное дѣло и непомѣрное развитіе акціонерныхъ компаній. Первое страшаетъ кредитъ неопредѣленными ожиданіями, второе собрало деньги и бросило ихъ въ народъ. Капиталы демократизовались. Трудъ и все вздорожало. Производительность измѣнила направленіе, а при одновременности и срочности требованій на трудъ, онъ не только вздорожалъ, но и часто тратился и ошибался. По мнѣнію моему лучший, если не единственный способъ исправленія нашихъ затрудненій, это экономія и постепенное изытіе билетовъ до равновѣсія съ монетою, а потомъ, конечно, обузданіе правительства отъ увлеченій въ выпускѣ билетовъ замѣною ихъ билетами отвѣтственнаго банка.

„Съверная Почта“ Валуева, возбудившая большія ожиданія первымъ номеромъ, не отвѣчаетъ этимъ ожиданіямъ, и я остаюсь при томъ мнѣніи, что она представитъ въ будущемъ еще болѣе поводовъ къ толкамъ и даже затрудненія для правительства. Въ литературномъ отношеніи она слаба, въ политическомъ безцвѣтна, а въ правительственномъ скучна. Канцелярскіе столбцы о спискахъ и о сокращеніи переписки едва ли и въ канцеляріяхъ найдутъ читателей. Двѣ статьи обратили вниманіе: о крестьянахъ Владимира Ржевскаго, о значеніи дворянства и о толкахъ его собраній, самаго Валуева. Современная печать и господствующія мнѣнія не удостоятъ ихъ сочувствія. Да и едвали здѣсь не болѣе словъ, нежели системы, не болѣе бѣглыхъ воззрѣній, нежели опредѣленныхъ, остановившихся убѣжденій. Замѣчательны послѣдующія статьи въ № 10 *о дворянствѣ*. Это отвѣтъ на 13 № „Дня“ Аксакова, который за эту статью о самоуничтоженіи дворянства подвергся было запрещенію, но Головинъ его отстоялъ. Статью въ № 18 о мировыхъ посредникахъ подписалъ К.; здѣсь такой укоръ журналамъ („навѣрное примуть сторону той же толпы“), что можно вызвать ихъ ополченія. „Съверная Почта“ разовьетъ у насъ партіи. Въ статьяхъ ея, по вліянію эпохи, много личнаго.

А вотъ и бюджетъ нашъ обнародованъ. Онъ изъ 19 № „Съверн. Почты“ перепечатанъ во всѣхъ газетахъ, и за распродажею всѣхъ экземпляровъ 19 № министръ распорядился напечатать таблицу эту отдѣльно по 5 к., чтобы удовлетворить напору любопытства и любознательности. Фактъ замѣчательный. Послѣ напечатанія таблицы на 1861 г. въ „Колоколѣ“ въ Лондонѣ, обнародованіе таблицы на 1862 г. не представляетъ,

по крайней мѣрѣ для насъ. никакого интереса. Но обнаруженіе важно какъ огласка, какъ шагъ, и конечно, и независимо отъ контрольных преобразованій, къ улучшенію по крайней мѣрѣ формы, въ настоящемъ видѣ до крайности грубой. Но что же обнаружено? Страница, заключающая въ себѣ голый перечень. Столько мы знали и изъ Нѣмецкихъ и Французскихъ сборниковъ и даже изъ Готскаго Альманаха.

Существенное дѣло въ томъ, что и при усиліяхъ къ поощренію дѣятельности въ народѣ и при возвышенныхъ (30 Декабря) податяхъ, посреди мира, расходъ въ 310 м. р. не покрывается усиленнымъ приходомъ на 14,757,899 р.,  $72\frac{1}{4}$ , и они отнесены къ „чрезвычайнымъ суммамъ изъ послѣдняго  $4\frac{1}{4}$  займа“. Положеніе незавидное! Цифра расхода. 310,619,739 р. огромна; но ей можно вѣрить. Израсходуютъ и болѣе! Но я нахожу, что цифра прихода, 295,861,339 р.  $27\frac{1}{4}$  к., еще огромнѣе, и сомнительно. чтобы она вошла сполна. Предусматриваемая недоимка въ сборахъ на 4 м. р. учетверится, если не удесятерится. По статьямъ: подушной подати 28 м., оброчной 25 м., питейной пошлины, 124 м., таможенной, 32 м., актовой и патентной, 17 м. р. нельзя не ожидать значительныхъ недоборовъ; ибо при дороговизнѣ, упадкѣ курса, общемъ стѣсненіи, и продажи, и купли, и всякія сдѣлки сократятся, а сборъ прямыхъ налоговъ у насъ всегда требовалъ особыхъ понужденій. Понужденія эти теперь слабы, и при безсиліи полиціи, общей и сельской, диктаторская власть посредниковъ едва ли наляжетъ на крестьянъ, поблажкою которымъ она теперь преобладаетъ.

Нужна экономія по крайней мѣрѣ на deficit. Въ платежѣ долговъ, 54 м., кажется, экономія невозможна. По вѣдомству двора, до 8 м. р., сокращеній ожидать нечего. Но по военному вѣдомству крупная цифра 132 м. р. несомнѣнно можетъ сократиться. Одинъ флотъ стоитъ болѣе  $20\frac{1}{2}$  м. р., и по его же требованію номинальная плата тремъ обществамъ доходитъ до болѣе 2 м. р. Министерство Финансовъ съ своими операціями требуетъ 26,732,217 р., а пенсіи возросли за 13 м. р. Министерство имуществъ стоитъ  $2\frac{1}{2}$  м. р. гарантіи желѣзныхъ дорогъ 5 $\frac{3}{4}$  м. р. Какъ тутъ не найти экономіи!

Правительство сдѣлало прекрасно, обнаруживавъ табель; но оно поступило очень неловко, обнаруживавъ ее въ такомъ грубомъ видѣ, и въ этомъ-то грубомъ видѣ обнаруживало, не пересмотрѣвъ ее хорошенько. Если оглашеніе сдѣлано для возстановленія заграничнаго кредита, то еще болѣе важный кредитъ внутренній отъ того не укрѣпится, а подкрѣпится ему нужно, и возвышеніе податей ведетъ не къ этой цѣли.

Пріятно жить въ эпоху подобныхъ преобразованій; но еще было бы пріятнѣе находить разумность и осмотрительность въ начинаніяхъ и сочувствіе, даже безъ особеннаго успѣха, къ мѣропріятіямъ.



Возвышеніе податей и обнародованіе бюджета завершаютъ финансовый циклъ нашъ стараго порядка, и онъ требуетъ смѣны. Старый Княжевичъ оставляетъ министерство. И пора! Оно имѣло самую незавидную репутацію. Это мѣсто открытыхъ взятокъ и явныхъ взяточниковъ. Молодой человекъ, ст. секр. Рейтернъ принимаетъ управленіе\*). Надобно ожидать преобразованій если не отъ него, то отъ вліянія великаго князя Константина. Я не думаю, чтобы преобразованія эти удались, поспѣшность предположеній не обѣщаетъ ручательства; но они приведутъ къ лучшему, ибо измѣнятъ настоящей составъ, введутъ гласность и приблизятъ кризисъ, который развяжетъ узелъ. Онъ душитъ.

Не думаю однако, чтобы это поправило наше финансовое положеніе. Рейтернъ ни прежде, ни теперь не отличался ни способностями, ни знаніемъ. Ему особенно не доставало характера. Онъ никогда не имѣлъ положенія ни въ администраціи, ни въ свѣтѣ, ни въ литературѣ; онъ ничѣмъ не заявилъ себя. Онъ вышелъ и держится великимъ княземъ. Занимался бумагами старика Нессельроде, завѣдывалъ эмеритурою флота и обрабатывалъ положеніе 30 Декабря о возвышеніи податей и штемпельнаго сбора.

Дворянскія собранія, съ утратою политическаго значенія дворянства, получили огромное значеніе общественное, и пренія ихъ, болѣе нежели когда нибудь беспорядочныя, смѣлыя и неумѣренныя, распространяютъ въ обществѣ идеи гласности, представительства и конституціи. Другого толка я въ нихъ не вижу, ибо предложенные имъ министрами вопросы о банкахъ, о земскихъ повинностяхъ, о выборной службѣ, о выкупѣ, не подвинулись и не могли подвинуться посреди этихъ одностороннихъ, законныхъ толковъ, въ которыхъ отражаются оскорбленіе, полуобразованность и безтактность сословія, переставшаго существовать даже именовательно. Дворянство дѣлается служивымъ сословіемъ, не болѣе. Какъ бы ни поддерживалъ его Валуевъ („Съверн. Почта“ № 7 и 10), Павловъ и Чичеринъ („Наше Время“, Январь), но мысль Славянофиловъ-демократовъ („День“, № 13 и друг.), Аксакова, Краевскаго („СПбр. Вѣдом.“) Усова, („Съверная Пчела“), въ основаніи остается неопровергнутою. Правительство можетъ сдѣлать изъ него что

\*) Всѣ убѣждены, что здѣсь была интрига. Толкалъ всюду своихъ, великій князь довелъ Рейтерна въ самое непродолжительное время до статьи-секретарства и помѣстилъ членомъ совѣта министерства финансовъ, приговоря въ министры. Княжевичъ сопоставилъ ему скромнаго Гагемейстера, учивъ минуту сдѣлать и его ст.-секретаремъ. Въ Комитетѣ финансовъ вел. князь и Нессельроде забраковали Гагемейстера, назначивъ туда Рейтерна, а во время поѣздки въ Англію и Вѣну обвинили Гагемейстера въ нескромныхъ отношеніяхъ и сдали его въ Сенатъ.

хочетъ, какъ дѣлаетъ оно города и даже столицы; но это значеніе будетъ основано не на природѣ и порядкѣ вещей, а на временныхъ соображеніяхъ политики, которыя завтра могутъ измѣниться и измѣнятся.

Корифеемъ Московскаго и Петербургскаго собраній былъ, въ дворянскомъ смыслѣ, д. с. с. Николай Безобразовъ. Онъ имѣлъ бы въ средѣ своей еще болѣе успѣха, если бы не былъ сыномъ стараго сенатора Александра Михайловича Безобразова и племянникомъ князя Орлова, да еще и зятемъ Сухозанета—лицъ, къ которымъ общественное мнѣніе всегда относилось съ явнымъ пренебреженіемъ. Осмѣянный въ Петербургскомъ общественномъ управленіи (отъ котораго онъ не хотѣлъ принять домовой данной, полагая, что это относится къ людямъ „средняго рода“), осмѣянный въ литературѣ за его брошюры, изданныя въ Берлинѣ, Безобразовъ уже самою личностію своею доказываетъ, что, съ отмѣною крѣпостнаго права, дворянство, дворъ, дворянскія и весь старій помѣщичій, дворскій порядокъ отжили свое время, и такіе защитники, какъ Безобразовъ, гр. Орловъ-Давыдовъ, графъ Вас. Бобринскій, Николай Жеребцовъ и tutti quanti его не поддержать.

Компанія эта желаетъ немногаго: междуусобной войны. Они желали бы пересмотрѣть положеніе 19 Февраля на основаніи Дворянской Грамоты, въ которой ни слова не упоминается о крѣпостномъ правѣ. Да кто же оспариваетъ прочіе пункты грамоты?

Прочелъ я Дармштадтскій процессъ о типографчикѣ Якоби, судимомъ за отравленіе жены. Отрава не подлежитъ сомнѣнію. Стѣдовательно (это слѣдовательно очень смѣло) Якоби виноватъ. Присяжные осудили, и судъ приговорилъ его къ смертной казни. Отвратительно, легкомысленно и глупо было поведеніе Якоби послѣ смерти жены, и при безусловномъ заключеніи медицинской науки виновность его не могла подлежать сомнѣнію; но я не рѣшился бы подвергнуть его смертной казни. Смерть есть предѣлъ человѣческаго наказанія, а въ виновности Якоби есть мѣсто сомнѣнію, а въ преступности его есть мѣсто градаціи.

Сенаторъ Веймарнъ, генералъ Кривцовъ и бар. А. Искуль, акціонеры разныхъ страховыхъ обществъ, спрашивали меня, не соглашусь ли я принять на себя званіе юрисконсульта обществъ по дѣламъ, въ которыхъ интересы ихъ сталкиваются съ полицейскими и судебными мѣстами. Отъ чего нѣтъ? Они сообщили мнѣ отчеты и нѣкоторыя дѣла обществъ, предполагая выбрать меня, если есть акціи, ревизоромъ. Это и разговоры съ ними дало мнѣ нѣкоторое, поверхностное, понятіе о внутреннемъ, канцелярскомъ ходѣ дѣлъ нашихъ Петербургскихъ обществъ, и это понятіе убѣждаетъ меня въ томъ, то здѣсь гнѣзятся самое явное равнодушіе къ интересамъ акціонеровъ, незнаніе дѣла директорами, про-

изволь сановниковъ и своекорыстіе управляющихъ и агентовъ. Я отлагаю выразиться опредѣленнѣе до ближайшаго ознакомленія съ дѣлами, но опредѣленно думаю, что если нельзя слишкомъ увеличить дивидентъ, всегда довольно удовлетворительный, то весьма можно уменьшить страхъ и страховку лучшею оцѣнкою, лучшимъ употребленіемъ городскихъ и казаныхъ вычетовъ и строгимъ преслѣдованіемъ поджоговъ. Для такой цѣли и при моей свободѣ я готовъ принять обязанность почти безмездно. Игра стоитъ свѣчь. Но не думаю, что я былъ бы *persona grata* для распорядителей и для полка ихъ исполнителей, пожирающихъ едва ли не всѣ проценты основныхъ капиталовъ. Такъ велики расходы и такъ дорого департаментное учрежденіе управленій!

Я изучилъ взаимное страхованіе крестьянъ, которое желаютъ распространить и на города, въ 1857 г. и въ прошломъ году во Владимирской губерніи. Я находилъ, въ 1857 г., что премія въ  $\frac{3}{4}\%$  недостаточна. Ее возвысили до 1%. Во Владимирѣ я нашелъ, что и этого мало. Казна понесла убытка въ одинъ годъ 2 м. р., но это не отъ недостатка цифры, а отъ безопасности и явныхъ подлоговъ въ оцѣнкѣ убытковъ\*). И лучшее нежели наше управленіе государственныхъ имуществъ не приведетъ къ другимъ результатамъ. Казна самый дурной управитель и блюститель интересовъ. Изъ двухъ золъ въ выборѣ юридическихъ личностей остается выбрать менѣе злое: общество, общество на акціяхъ. Сѣтъ застрахованія можетъ обнять всю имперію, и я думаю, что дѣло пойдетъ лучше теперешняго.

Дѣло въ томъ, что пожары—наша хроническая болѣзнь.  $\frac{1}{4}$  Россіи горитъ каждагодно. 10,000 пожаровъ въ годъ можно принять нормою, и на каждый пожаръ по 5 домовъ. Число пожаровъ можно уменьшить: уменьшать образованность и уменьшеніе лѣсовъ, такъ дешево расхищаемыхъ; но уменьшеніе объема пожаровъ должно быть при лучшемъ управленіи застрахованія, т. е. при лучшей распланировкѣ селеній и городовъ, сдѣлавшейся оброчною статьею мѣстныхъ распорядителей, и при лучшемъ устройствѣ пожарныхъ учрежденій, содержаніе которыхъ стоить во всякомъ случаѣ дороже прибыли отъ премій взаимнаго страхованія. Конечно общинное владѣніе землею у насъ ведетъ къ тому, что и взаимное страхованіе селеній и городовъ должно принадлежать вѣдомству казенному, но повторяю: изъ двухъ золъ надобно выбирать наименьшее. Акціонерное общество лучше казеннаго управленія. Я бы

\*) Въ частныхъ ияти обществахъ прибыль (конечно при высшей преміи) далеко превосходитъ расходы. По всѣмъ обществамъ по 1860 г. поступило премій 41,885,460 р. 10 к., а заплачено пожарныхъ убытковъ 23,451,459 р. 96 к. Роздано дивиденда 14,475,714 р. 28 $\frac{1}{2}$  к. См. подробности въ № 38 „Сѣв. Почты“ 16 Февраля 1862 г. Еще болѣе подробное обзорѣніе въ той же „Сѣв. Почтѣ“ 27 Февраля № 44.

даже рѣшился отдать страховой сборъ съ торговъ на откупъ, постановивъ условіемъ соревнованія процентъ преміи, во всякомъ случаѣ, для жилыхъ и холодныхъ зданій, не выше 1<sup>0</sup>/<sub>0</sub>. Операціямъ дать всевозможную гласность не одну періодическую, но современную, ежедневную, даже ежедневную, если день стоилъ дорого \*).

Нельзя не замѣтить, что демократическая партія въ Европѣ вообще притихла. Кошута, Мадзини, Гюго, Ледрю-Ролленъ, даже Гарибальди почти не слышно. Вліяніе „Колокола“ Герцена и въ Петербургѣ едва замѣтно. Но это потому, что уступки, мирно имъ сдѣланныя и дѣлаемые, такъ велики, что едва ли и болѣе значительныя достижения, при бунтахъ и жертвахъ, могли быть завоеваны въ такое короткое время, и особенно потому, что демократія чувствуетъ, сознаетъ свою силу и, сильная своимъ правомъ или quasi правомъ, спокойно ожидаетъ послѣдствій. И она дождется. Дождется прежде соглашенія Нѣмецкихъ правительствъ. Они и журналы много шумятъ, но мало дѣлаютъ.

По просьбѣ управляющаго Министерствомъ Юстиціи Замятина я теперь разбираю дѣло по обвиненію дворецкаго, Австрійца Зальцмана, въ причиненіи ему въ грудь пистолетомъ раны княземъ Львомъ Кочубеемъ. Оно рѣшено въ 5-мъ департаментѣ и по прошенію Кочубея пересмотрено въ общемъ собраніи. Дѣло важное, и сенаторы разбились

---

\*) Въ 30 и 31 №№ „Сѣверной Почты“ помѣщена любопытная статья „объ общественныхъ пожарныхъ командахъ“, въ которой значатся слѣдующія числа: Страховая премія составляетъ отъ 1 р. 50 к. до 4 р. 80 к. (съ 1000 р. оцѣнки) съ каменныхъ и отъ 5 до 9 р. съ деревянныхъ строеній. Съ 1847 г. установленъ сборъ съ застрахованныхъ имуществъ по  $\frac{3}{10}$ <sup>0</sup>/<sub>0</sub> или 75 к. съ тысячи и въ круглыхъ цифрахъ этого сбора поступило: въ 1847 г. 75 т. р., въ 1848—167 т., въ 1849—173, въ 1840—193, въ 1851—199, въ 1851—212, въ 1853—225, въ 1854—229, въ 1855—236, въ 1856—251, въ 1857—275, въ 1858—345, въ 1859—427, въ 1860            въ 1861            . Всего по 1 Января 1860 г. поступило 2,706,460 р. и изъ нихъ израсходовано 1,415,130 р. и находилось въ остаткѣ—1,291,330 р. Расходовалась эта сумма на пожарную и полицейскую части сперва тѣхъ городовъ, въ которыхъ собиралась, а въ 1850 г. сумма сбора распредѣлялась вообще между городами, начиная преимущественно съ губернскихъ и торговыхъ. Но замѣчательно, что  $\frac{2}{3}$  страховаго имущества доставляли двѣ столицы и Одесса, гдѣ пожарная часть содержится на счетъ города, и нѣкоторые уѣзды (въ Московск. губерніи въ 1858 г. застраховано на 3,550,000 р.) давали болѣе чѣмъ города, а пользоваться сборомъ не могли. На эти деньги устроена пожарная часть въ 54 городахъ и содержится въ 33. Средняя цифра едновременнаго пособія городу составила 9,360 р., а ежегоднаго около 3,500 р.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, уменьшивъ страховой сборъ, предполагаетъ, отменивъ его совершенно, предоставить пожарную часть обществамъ, по примѣру Осташкова, Либавы, Митава и др. Остзейскихъ городовъ. Я въ этомъ сомнѣваюсь. Маленькій Осташковъ не примѣръ, и тамъ это дѣло ведется семействомъ Савинныхъ, а мѣщане наши ничего не имѣютъ общаго съ бюргерами и автономіей Остзейцевъ.

на три группы: 10 человекъ признають обвиненіе вымышленнымъ и совершенно освобождаютъ Кочубея отъ дѣла, 9 человекъ соглашаются съ рѣшеніемъ департамента, который не подвергаетъ Кочубея отвѣтственности по недостатку доказательствъ, и передаетъ Богоявленскаго, его повѣреннаго, суду за ложный извѣтъ на Зальцмана въ причиненіи раны самимъ имъ для обвиненія Кочубея. 8 человекъ находятъ невозможнымъ, по нарушенію законовъ слѣдователями, постановить рѣшительное заключеніе, которое изъ обвиненій правдоподобно. Судопроизводство этого дѣла представляетъ всѣ недостатки нашего уголовного процесса, и сенаторы противорѣчатъ другъ другу на каждомъ шагѣ, находя одни, что это такъ, а другіе, что это не такъ. Смѣшеніе старыхъ понятій съ новыми (инструкція судебнымъ слѣдователямъ, 1860 г.). Вѣрованіе въ обрядность и проявленіе необходимости въ нравственныхъ убѣжденіяхъ. Событіе заключается въ томъ, что Зальцманъ 13 Юня 1853 г. явился въ часть съ дымящеюся на груди (возлѣ сердца) раню и объявилъ, что въ него выстрѣлилъ князь Левъ Кочубей. Кочубей, его управляющій и всѣ люди объявили, что Зальцманъ съ Кочубеемъ не видался и что онъ, на площадкѣ лѣстницы, нанесъ себѣ рану самъ. Слѣдствіе производилось съ преклонностію къ Кочубею, и обвинитель сдѣлался не только отвѣтчикомъ, но и подвергнутъ аресту, а обвиняемый даже не спрошенъ обстоятельно, не былъ на очныхъ ставкахъ и самое дѣло поручилъ вести управляющему своему Богоявленскому. Этотъ Богоявленскій такъ тянулъ и путалъ дѣло, что оно едва рѣшено въ 1858 г. и теперь пересматривается. Затрудненіе состоитъ въ томъ, что рана есть, рана, по удостовѣренію (которое не дѣлаетъ чести судебной медицинѣ отсутствіемъ точности) медиковъ, въ числѣ которыхъ и Буяльскій, и особенно по отзыву знаменитаго хирурга Ппрогова, весьма важна и опасна, будучи на 8 ребрѣ, глубиною въ 1 $\frac{1}{4}$  дюйма. Не могъ же человекъ нанести себѣ такую рану для обвиненія въ томъ другаго! Да и рана имѣетъ направленіе отъ правой стороны къ лѣвой; развѣ Зальцманъ дѣйствуетъ лѣвшой? Но и Зальцманъ не внушаетъ къ себѣ довѣрія. Пройдоха этотъ назывался Австрійскимъ лейтенантомъ, не бывъ никогда въ службѣ, основывая ее на актахъ, которые будто бы посланы въ Нанси. Ничего этого не подтвердилось. Самая претензія въ неуплатѣ ему Кочубеемъ 875 р. не имѣетъ точнаго основанія и опровергается формальными росписками. Замятнинъ просилъ меня рассмотреть это дѣло, потому что оно очень громко, и конечно рѣшеніе обнародуется въ „Колоколѣ“ Герцена. Онъ уже и теперь называетъ Кочубея не иначе, какъ *стрѣлокъ*.

Не понимаю дѣйствій Кочубея и Богоявленскаго, если они правы, но рѣшительно выражусь по изученіи дѣла. Одною однако не могу не

замѣтить: въ продолженіи всего дѣла Зальцманъ ни разу не далъ показанія, котораго бы потомъ не дополнилъ или не измѣнилъ. Ему вѣрить нельзя. А съ другой стороны, повѣренный князя Кочубея, чиновникъ Богоявленскій дѣлаетъ все, чтобы замедлить и запутать дѣло, и подаваемые имъ кляузныя извѣты принимаются судами и Сенатомъ и волочатъ дѣло до 1859 года. Теперь его можно разсматривать покойно; Зальцманъ въ Парижѣ, Кочубей въ Диканькѣ, прошло восемь лѣтъ.

\*

Крамола всюду, инстинктивная, добросовѣтная и безсовѣтная. 20 Февраля принцъ, братъ Наполеона, наговорилъ столько вызывающихъ дерзостей, столько непослѣдовательностей, что рѣчь его назвали знаменемъ младшей линіи противъ старшей. Здѣсь полезнаго только то, что императоръ не будетъ въ отвѣтъ за журнальныя увлеченія своего родственника.

Жалки пренія Французскаго Сената. Оробѣвшіе и униженные ораторы парламента не въ состояніи возвысить свободнаго голоса, не въ силахъ подняться надъ мелочными расчетами партій, живущихъ одной памятью и изоцряются въ восхваленіяхъ императора, который, чувствуя напоръ, готовъ бы выразить удовольствіе, если бы поднести ему и менѣе рабскій адресъ. Незавидное положеніе государственнаго смысла между дерзостію и подобострастіемъ.

Этого не видно ни въ Германіи, ни у насъ. И въ Германіи и (сколько можно) у насъ демократическое направленіе выражается яснѣе, могущественнѣе и шире. Такъ вопросъ о дворянствѣ, возбужденный въ Москвѣ,—гдѣ „День“ приглашалъ его къ самоуничтоженію à l'instar de 4 Août, а „Наше Время“ придавало ему мнимые элементы, органъ правительства „Сѣверная Почта“ объявилъ о самоуничтоженіи и немѣннѣи политическаго значенія, что „не таковъ взглядъ на это правительство“. А теперь, 17 Февраля, „СПбргскія Вѣдомости“, въ ст. 1-й выражаютъ категорически, что и на основаніи мнѣнія Б. Чичерина (въ „Нашемъ Времени“) дворянство, какъ сословіе, не существуетъ, и существованіе его было бы только препятствіемъ развитію стройнаго порядка. Эту статью приписываютъ внушенію в. князя Константина и перу Головнина. Хорошо. Но за чѣмъ же правительство тутъ? И кто же его опровергнетъ? Другое правительство?

Журналъ „День“ такъ и называется на запрещеніе. Вообще печать такъ мало сдержана и спокойна, что, узнавъ объ этомъ изъ Парижа (*Revue de deux Mondes* \*), Русскіе князья и княгини въ зимнемъ дворцѣ

\*) Книжка 15 Января 1862. *La Russie sous l'emp. Alexandre II* par Charles de Masade. Статья обстоятельная, справедливая и безъ увлеченій. Для насъ новаго въ ней ничего нѣтъ. Сочинитель недостаточно выразилъ слабость правительства и не объяснилъ

повторяютъ: *voilà ce qu'on écrit chez nous!* А между тѣмъ, въ настоящее время желательно бы было поменѣ поводовъ раздраженія, ибо и безъ нихъ крестьянская вольность принимаетъ такой оборотъ, что можно отчаяваться въ способностяхъ нашихъ виляющихъ министровъ устроить дѣло, какъ желали и предполагали. Работы идутъ дурно, доходы уменьшились, порядокъ покоится на уступкахъ мировыхъ посредниковъ и дворянство—или *soit disant telle*—едва свѣдало по счетамъ, что оно обобрано, должно узнать, что оно уничтожено. Немудрено, что оно начинаетъ крамольничать и въ адресахъ собраний выражаетъ желанія, которыя, будучи непріятны правительству, весьма можетъ стать, что вредны будутъ и дворянству.

Сегодня привезли и посажены въ крѣпость Бакунины съ преданіемъ суду Сената, мировые посредники (братья Лондонскаго агитатора) и 12 др. Тверскихъ дворянъ за какое-то буйное постановленіе, и слѣдствие о немъ возложено на госуд. контролера Анненкова, при которомъ посланы оберъ-прокуроръ Семеновъ и секретари Сената.

\*

Сегодня на литературномъ вечерѣ въ пользу недостаточныхъ литераторовъ (за кулисами, говорятъ, ссыльно-каторжнаго Михайлова), поэтъ Некрасовъ читалъ свое стихотвореніе и стихи своего друга (Михайлова), а профессоръ Павловъ—„Тысячелѣтіе Россіи“. Чтеніе Павлова исключительно было рассчитано на эффектъ и на самопожертвованіе. Я очень сомнѣваюсь въ учености г. Павлова и потому понимаю, что онъ гоняется за популярностію и при непрочности ея у насъ переходитъ отъ одного неуспѣха къ другому. Говорятъ, что онъ уже арестованъ и ссылается въ Устьсысольскъ: поспѣшность и крайность въ обычаяхъ нашего слабаго правительства. Изгнаніе развило Костомарова, изгнаніе будетъ полезно и Павлову. Если здѣсь умѣстно сказать, что цѣль не оправдываетъ средствъ, то нельзя не сказать и того, что Павловъ достигъжелаемаго. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ онъ имѣть въ виду, рѣшаясь говорить рѣзко, дерзко, слушателямъ, между которыми по крайней мѣрѣ половина, т. е. 1000, ожидали услышать чтеніе литературное или ученое? Въ наше время подобныя явленія не рѣдкость. Но правительству не должно забывать, что въ наше время желаютъ законности и что Николаевскія ссылки и заключенія изъ частныхъ случаевъ выро-

---

причинъ этой слабости. Правительство Николая зазналось и сдѣлало великую ошибку: оно, не приготовясь, бросилось въ войну и постыдно проиграло восточное дѣло. Отъ срамленной дерзости и постыднаго пораженія оно бросилось въ уступки: ослабило дисциплину (цензуру), издало манифестъ 26 Августа и рескрипты 20 Ноября 1857 (19 Февраля 1861). Избравъ столько путей, оно естественно не можетъ идти по всѣмъ и остановилось въ раздумьѣ, а событія идутъ, толкая и сбивая его.

стають въ общія, такъ что я вовсе не удивлюсь, если за Тверскихъ посредниковъ заступится все Тверское дворянство, а за Павлова всѣ Петербургскіе литераторы. Начнутся манифестаціи, протесты.

Правительство, и очень давно, озабочено составленіемъ цензурнаго устава. Головининъ и Вадуевъ предполагаютъ ввести цензуру репрессивную. Едва-ли они знаютъ что предполагаютъ. Репрессія или произволъ (если хотите ей дать въ основаніе законность) есть невозможность. Правительство предоставило литературѣ и журналистамъ свободу преждевременно. Ему слѣдовало сперва организовать управление, внести въ него сперва элементъ гласности и независимости, потомъ открыть дорогу гласности частной. Оно сдѣлало на оборотъ и вошло теперь въ такое безвыходное положеніе, что исходъ возможенъ только предоставленіемъ конституціи или безпрестанными смутами. Да и надобно бы подумать объ организаціи гласности. Это—сила, которая безъ организаціи дѣйствуетъ или бесплодно или разрушительно. Здѣсь необходима дисциплина, необходимо сосредоточеніе, необходимо управление, т. е. самоуправленіе, совѣтъ гласныхъ отъ науки, литературы, журналистики, книгопродавцевъ и типографій. Цензъ ввести здѣсь не трудно: условія осязательны. Я написалъ объ этомъ князю Д. Оболенскому, который въ переговорахъ съ Головининымъ\*).

\*

Внутреннія и внѣшнія дѣла развертываются все шире и напористѣе. Гарибальди началъ свои триумфальные объѣзды и организацію народныхъ стрѣлковъ, а Русскіе мужички и дворяне продолжаютъ свои притязанія. Въ имѣніи Пушкина, с. Безднѣ, опять бунтуютъ. Бунтуютъ, говорятъ, вездѣ, гдѣ генералы усмиряли въ лѣтс 1861 года. Бунтуютъ всѣ. Правительства безпрестанно мѣняются, династія запасаются удѣлами. Доселѣ власть спасалась уступками и незапною строгостію. Плохой признакъ. Демократія отличается требовательностію и постоянствомъ цѣлей. У насъ она пріобрѣтаетъ сильнаго заступника въ лицѣ великаго князя Константина, который de facto первый министръ и по болѣзни Блудова начальникъ законодательства. Онъ сажаетъ министровъ, своихъ статсъ-секретарей; онъ предсѣдатель всѣхъ комитетовъ и совѣтовъ, и

---

\*) Я читалъ печатную записку чиновника М. В. Д. Влад. Фукса о цензурѣ, составленную по актамъ и съ проэктомъ новаго устава въ смыслѣ карательной или репрессивной системы. Записка очень поверхностна, а могла бы быть чрезвычайно любопытна, если бы извлеченіе представило факты и тѣ усилія, съ которыми боролась и пробивалась наша бѣдная литература. Любопытна и замѣчательна записка (въ приложеніи) литераторовъ. Должно полагать, что ее писали Краевскій и Кавелинъ. Они требуютъ исключительной ответственности редакторовъ и приводятъ забавные факты, особенно о цензорахъ специальныхъ.



въ народѣ и въ большой публикѣ онъ настоящій правитель государства. Тѣ, которые видѣли въ немъ Орлеанскую линію, должны немного разувѣриться; ибо, неся бремя правленія, онъ несетъ и отвѣтственность. Путь либеральныхъ реформъ, имъ избранный и проводимый, заслуживаетъ признательности; но дѣло въ томъ, что я здѣсь вижу болѣе игру, интересъ личности, нежели живое сознаніе права и справедливости. Онъ, по отцу, преданъ идеѣ внѣшняго порядка, законности исключительной. При малѣйшемъ противорѣчїи онъ оборветъ, какъ умѣютъ и могутъ обрывать только Европейскіе, изоцренные деспоты; при малѣйшей неудачѣ онъ способенъ на реакцію, если при этомъ личность князя не утрачивается. Да, если будетъ конституція, то, конечно, онъ готовъ разыграть и Орлеана.

Гласность наша еще продолжается. Головиннѣ сдѣлалъ еще шагъ—отмѣну особенныхъ цензоровъ разныхъ вѣдомствъ. Министерство иностранное, снимая съ себя отвѣтственность солидарности, тѣмъ предоставляетъ журналистамъ всякую свободу, и наши политическія статьи конечно ею пользуются. Я понимаю свободу теорій въ политикѣ, даже въ администраціи, въ наукахъ и идеалахъ. Правительство обновляется и подняло преобразование общественнаго быта народа; но я не понимаю свободы скандала и цинизма, которыхъ выраженіемъ служить журналъ „Современникъ“ и во главѣ его Чернышевскій. Не то чтобы эгоизмъ и интересъ денежный въ глазахъ моихъ не были достаточнымъ основаніемъ къ объясненію того или другого скандала, искаженія, брани и ругательства. Сенковскій давно прїучилъ насъ къ этому, и Аскоченскіе и Старчевскіе и „Искры“ и „Гудки“ и проч. и проч. меня нисколько не удивляютъ. Меня занимаютъ увѣренность, смѣлость, дерзость личная, индивидуальная, себя именующая, какого нибудь Чернышевскаго, который не обинуясь катаетъ и валяетъ, приписывая себѣ и степень значенія, и долю вліянія на литературу, на общество, на государство. Стало быть, партія сильна, если возможна такая увѣренность. Такая же увѣренность проявляется и въ Славянофильской партіи „Дня“, которая отъ доктрины социалистовъ отличается тѣмъ, что собственно не имѣетъ никакой доктрины. Всему виною анархія.

Я прочелъ „Отцы и Дѣти“ Тургенева. Прекрасный, мягкій умиряющій талантъ виднѣтъ въ новомъ романѣ во всемъ блескѣ. Но едва-ли правильно выражены и отцы съ ихъ принципами и дѣти съ ихъ принципами. И отцы и дѣти выставлены пустоватые и глуповатые. Особенная угловатость Евгенія Базарова и кой-какія выходки автора заставляютъ думать, что цѣль его представить въ смѣшномъ видѣ молодое поколѣніе, готовое все отрицать и ломать, одержимое лихорадочною жаждою дѣла. Но краски переложены, и Базаровъ не только не вну-

шаесть ни любви, ни ненависти, которую онъ породилъ въ Англоманѣ Кирсановѣ, но возбуждаетъ негодование, отвращеніе къ пошлостямъ, дикости и цинизму его, такъ что, допуская возможность овладѣнія имъ прекрасной натурой Аркадія и высокимъ характеромъ Одинцовой,—спрашиваешь: ужь вѣроятенъ-ли этотъ типъ? Не пересолили-ли плохой любитель эмансипація портреты его, Ситникова, Кукшиной и ея Гедельбергскихъ студентовъ. Симпатичны старики Базаровы и Катя. Особенно хороша мать, допытываясь у мужа о болѣзни сына: „да чтѣ съ нимъ?“ Граціозна и Катя, думая про себя, что Аркадій будетъ у ея ножекъ. Отдѣлка романа мастерская; но нельзя не замѣтить, что отецъ Кирсановъ иногда сдается на Манилова, а дуэль Англомана—на Ал. Дюма.

Графъ Толстой, рекомендовавшій гр. Панину Топильскаго, рекомендовалъ ему въ 1856 г. и молодого своего сотрудника по ополченію, правовѣда Н. Суцова. Онъ находилъ, что у него самая „консервативная логика“. Назначенный въ правители канцеляріи, Суцовъ сталъ твердо, дѣйствовалъ ловко и пріобрѣлъ такое вліяніе, что товарищъ министра, не исполнивъ обѣщанія о какомъ-то назначеніи, отозвался: „чтѣ жь мнѣ дѣлать, Суцовъ не хочетъ“. Суцовъ женился на дочери генерала Козлова, родственницѣ Зиновьевыхъ и нашелъ себѣ опору у Креза и при дворѣ. Онъ жилъ роскошно и получилъ значеніе не только въ министерствѣ, но и на дворянскихъ собраніяхъ и въ Обществѣ пароходства и торговли. Я его совершенно не знаю и слышалъ только ропоть и жалобы на его пристрастныя и произвольныя дѣйствія отъ прежнихъ сотоварищей оберъ-прокуроровъ. Сегодня или вчера гр. Панинъ приказалъ ему оставить министерство. До сіятельнаго графа дошли свѣдѣнія о какомъ-то предосудительномъ поступкѣ Суцова въ Одесской конторѣ Общества, напоминающемъ поступокъ К. М. Полторацкаго въ Ярославскомъ приказѣ (того самаго Полторацкаго, котораго имѣніе оцѣненное въ 2 т. р., продавалось на удовлетвореніе долговъ его въ 200 т. р.). Я ему не удивляюсь: своекорыстіе, воровство, захваты, все это въ наше время на дневной очереди. Я не удивляюсь и тому, что мошенничаютъ правовѣды. Молодежь эта совершенно не выдержана и скоро, не находя средствъ къ удовлетворенію непомерно возбужденныхъ притязаній, бросается на смѣлыя и не совсѣмъ законныя предпріятія. Такъ поступилъ Байковъ „увлекшійся въ касетъ общества „Сельскій хозяинъ“, такъ кн. Оболенскій въ Волжской дорогѣ, такъ подъ руководствомъ Анненкова (еще государственнаго контролера!) поступили фонъ-Дервизъ и Жакелень въ Саратовской дорогѣ, такъ поступили вѣроятно Гаспарини и Суцовъ по пароходству и торговлѣ. Я этому не удивляюсь, ибо понимаю; но я удивляюсь, какъ гр. Панинъ остается

при прежней, замкнутой своей системѣ, тогда какъ несостоятельность ея обнаруживается на каждомъ шагѣ, передъ его глазами.

Говорятъ, Филаретъ Московскій, оканчивая восьмой десятокъ, удаляется на покой, чтобы исключительно посвятить себя молитвѣ за спасеніе Россіи. Въ прошломъ году, замѣтивъ матеріалистическое ученіе въ „Современникѣ“, въ 9 книгѣ „Свѣточа“ „Петръ I, какъ юмористъ“, гдѣ „литература вдругъ оскорбляетъ, и религію, и нравственность, и царскій домъ...“ и въ „Сѣверной Пчелѣ“ № 256, гдѣ сочинитель находитъ, что „въ точныхъ словахъ Христа Спасителя нѣтъ логичности мысли“, знаменитый іерархъ нашель и предписалъ Московской церкви: „понеже умножились грѣхи наши и наипаче требуется покаянная и умиленная молитва“, почаще читать извѣстную молитву „о еже милостиву и благоувѣтливу быти благому и челоувѣколюбивому Богу нашему, отвратити всякій гнѣвъ на ны движимый и избавити насъ отъ належащаго и праведнаго Своего прещенія и помиловати насъ“. Объясненіе это напечатано въ Январской книжкѣ „Душеполезнаго Чтенія“.

А вотъ въ Дуэ и процессъ „мошенника“ Миресь. Я буду слѣдить его. Это одинъ изъ обыкновенныхъ и тѣмъ болѣе замѣчательныхъ симптомовъ вѣка, который, и съ правомъ гласности, вопить о правѣ огражденія болѣе дѣйствительнаго. Хорошо огражденіе, допускающее такое наглое мошенничество. И странное дѣло, мошенничество это можетъ найти, находить и найдеть, если не оправданіе, то снисхожденіе, соглашеніе, сдѣлку съ совѣстью, съ убѣжденіями, съ правдой. Дѣло въ томъ, что дѣйствующее право уступаетъ новому, а это новое не организовано, не опредѣлено, не положительно. Но надобно же уважать дѣйствующее. а Дуэ его попираетъ, смѣшивая залогъ, довѣріе съ отчужденіемъ и оправдывая мошенничество приемами (будто) обычая \*).

Нѣтъ вѣроятности, нѣтъ неправдоподобія, которому бы не вѣрили. Старѣющій графъ Блудовъ уходитъ. Предсѣдателемъ дѣлается в. князь Константинъ, и съ нимъ, по выраженію двора и помѣщиковъ, восходитъ партія красныхъ, готовая на самыя крайнія преобразованія. И представительность, и равноправіе передъ закономъ, и гласность. Все разрабатывается теперь и все будетъ готово къ празднованію тысячелѣтія 26 Августа. Смотри на дѣло рационально, едва-ли и можно ожидать положительной пользы частныхъ улучшеній. Но есть-ли элементы для этихъ учрежденій? Главный нашъ недостатокъ—бѣдность и необразованность третьяго сословія. Правда, оно увеличивается и довольно

---

\*) Я надѣялся, думалъ, но не ожидать, что министръ юстиціи вступится и перенесетъ дѣло, въ видахъ закона и нравственности, въ кассационный судъ. Онъ перенесъ. См. его предписаніе и реквизицію Дюпель, полную сарказмовъ, въ Іюньскихъ номерахъ журналовъ.

быстро; правда, въ средѣ его есть молодежь развитая, просвѣщенная, но все это во первыхъ такъ мало, что едва достаточно для столицъ, и во вторыхъ все не сословіе, ибо не имѣетъ ни постоянства, ни преданія, и потому такъ шатко, такъ мало освоено съ практическою жизнію и съ государствомъ, что отъ вліянія этого класса (или лучше, этого поколѣнія) можно ожидать всякихъ увлеченій, даже проказъ. Молодость и новыя личности любятъ оригинальничать и геніальничать. Молодая гласность и литература наша служатъ тому доказательствомъ. Онѣ пробавляются скандаломъ и цинизмомъ. Тоже вѣрно и въ учащемся юношествѣ, въ которомъ шалости принимаютъ отвратительный видъ, какъ напр. въ 11-й гимназіи, гдѣ ученики осквернили алтарь, забравшись на престолъ съ папиросами. Главный недостатокъ нашихъ преобразованій незрѣлость, непослѣдовательность и отрывочность. За примѣрами ходить не далеко. Я не буду говорить ни о крѣпостномъ правѣ, ни о тарифѣ 1857 г. Я сойду пониже, къ дѣламъ болѣе спеціальнымъ. Въ 1860 г. учреждены судебныя слѣдователи, въ 1861 г. полицейскіе судьи для политическихъ манифестацій. Не надобно было дара пророчества, чтобы предсказать не только ихъ безуспѣшность въ ожидаемой степени ихъ пользы, но даже запутанность. Я это говорилъ и указывалъ Стояновскому и Гауеру. И что же? Корпусъ слѣдователей далеко не оправдываетъ возложеннаго на нихъ довѣрія. Я видѣлъ ихъ и дѣла ихъ во Владимирской губерніи. Циркуляръ Московской палаты доказываетъ, что тамъ (да не только тамъ) превратно толкуется сила присяжныхъ показаній. Но теперь Государственная Канцелярія идетъ далѣе: она въ существѣ измѣняетъ положеніе 1860 г. и изъемлетъ слѣдователей изъ состава и зависимости судовъ. Полицейскіе суды такъ начали хозяйничать, что генераль-губернаторъ кн. Васильчиковъ циркулярно огласилъ, что они осуждаютъ и заочно и безъ доказательствъ.

Въ этихъ видахъ назначеніе великаго князя Константина нельзя не назвать важнымъ событіемъ, если онъ установитъ единство и послѣдовательность. Этого можно ожидать. Окруженный *своими* министрами: Головиннымъ, Рейтерномъ, Оболенскимъ, Мансуровымъ, Милютинымъ и проч., онъ можетъ дать единство—по крайней мѣрѣ—воззрѣніямъ.

По городу ходятъ самыя дикіе слухи. На улицахъ, въ полкахъ и въ самомъ Зимнемъ дворцѣ подкидываютъ „Великоросса“ съ самымъ возмутительнымъ воззваніемъ противъ династіи, правительства и дворянства. Государь у заутрени былъ грустенъ и мраченъ. Обѣщаютъ новыхъ воззваній къ купечеству о возвышеніи цѣнъ и къ крестьянству о прекращеніи работъ. Принимаютъ мѣры, чтобы и вино дорожало. Рассказываютъ, что Штигилицу удалось заключить заемъ по 7<sup>о</sup>, но съ тѣмъ, чтобы, подобно Турціи, мы признали право надзора за его упо-

требленіемъ. О добродушіи Государя, о его охотахъ и оргіяхъ обращаются сотни анекдотовъ. Говорятъ, открытъ „Великороссъ“. Статьи „Акціонера“, „Дня“, „Современника“ въ усь не дуютъ власти. Разговоры не обращаютъ вниманія даже на присутствіе лицъ. Иностранные памфлеты и пасквили ходятъ невозбранно. Воззванія „къ офицерамъ“ разосланы по городу, подкинуты въ Зимнемъ дворцѣ, въ Свѣтлую заутреню.

Сегодня, 9 Апрѣля, умеръ Шереметевъ, Василій Александровичъ, д. т. с., членъ Государственнаго Совѣта, бывшій товарищъ министра юстиціи и министръ государственныхъ имуществъ. Дамъ себѣ отчетъ о немъ. Онъ имѣлъ вліяніе на мое служебное поприще. Онъ родился въ концѣ прошлаго столѣтія, кажется въ 1793 г., учился дома и поступилъ въ лейбъ-гусары, когда ими командовалъ Левашевъ. Назначенный въ адъютанты къ гр. Петру Александр. Толстому, онъ дослужился до штабсъ-ротмистра и вышелъ въ отставку, женился на богатой фрейлинѣ Юліи Шереметевой и сталъ хозяйничать. Крѣпостной хозяинъ онъ былъ образцовый. Мценскій предводитель дворянства, онъ скоро былъ выбранъ въ губернскіе, успѣлъ проѣздомъ Государя Николая принять и угостить его и Марью Николаевну блестящимъ баломъ и назначенъ губернаторомъ въ Харьковъ, потомъ въ Черниговъ, потомъ въ Петербургъ и изъ губернаторовъ (когда онъ не ладилъ съ министромъ Перовскимъ, т. е. съ директоромъ Оржевскимъ и боялся сумашедшаго генераль-губернатора Кавелина), графъ Панинъ выбралъ его себѣ въ товарищи. Это было въ Маѣ 1843 г., и отсюда мое съ нимъ знакомство. Все дальнѣйшее записано въ этихъ тетрадяхъ. Рѣшительный ударъ нанесенъ этому человѣку и необширнаго ума, и очень ограниченнаго образованія, Положеніемъ 19 Февраля 1861 г. Это его давило постоянно. Смерть жены 14 Января еще болѣе усилила это давленіе, а холодность сыновей оставляла его въ какомъ-то безпомощномъ состояніи. При немъ жила одна бѣдная Орловская дворяночка и собиралась сего дня уѣхать по желѣзной дорогѣ. Прощаясь съ ней, онъ расплакался, съ нимъ сдѣлался ударъ, и онъ не перенесъ его. Болѣзни и уединеніе его мучили. Въ себѣ самомъ, кромѣ чтенія новостей въ газетахъ, онъ не имѣлъ никакого ресурса. Незапность нашихъ преобразованій дѣлаетъ многихъ пережившими свое время. Русскій баринъ, Шереметевъ былъ ему живымъ противорѣчіемъ. Онъ же былъ такъ честенъ и благороденъ, что не скрывалъ своихъ убѣжденій, не приноровлялся къ господствующимъ и не думалъ о реакціи. Практическій смыслъ его, при началѣ войны въ 1853 г., видѣлъ ея послѣдствія, раздробленіе имперіи. Въ крестьянскомъ дѣлѣ онъ ожидалъ грабежей и убійствъ въ народныхъ смутахъ. Онъ меня „любилъ и уважалъ“, особенно послѣднее время. Миръ праху твоему, честный человѣкъ: Да будетъ Богъ милостивъ къ страдалцу!

Вотъ и заемъ заключенъ по 94 за 100, и по 5<sup>0</sup>/<sub>0</sub> съ условіемъ, въ теченіе 20 лѣтъ, не погашать и не уменьшать. Дѣло сдѣлалъ Штиглицъ съ Ротшильдомъ (получающимъ за комиссію 2<sup>1</sup>/<sub>4</sub> %), и всѣ признають его выгоднымъ для обѣихъ сторонъ: для Европейскихъ капиталистовъ, которымъ Американскія событія закрыли многія помѣщенія, и для Россіи, въ которой монетная единица подверглась измѣненіямъ, влекущимъ значительныя утраты во всѣхъ внѣшнихъ сдѣлкахъ. Едва-ли это такъ. 20 лѣтнее обязательство выбираетъ Ротшильдамъ (изъ 15-ти ф. стерл. они взяли 5 на себя) весь капиталъ, а по 5<sup>0</sup>/<sub>0</sub> на 94 такой огромный процентъ для западныхъ дѣлъ, производимыхъ на рациональныхъ основаніяхъ, что капиталисты могутъ болѣе нежели равнодушно смотрѣть на Американскія междоусобія. Заемъ выгоденъ былъ бы и для насъ, но едва-ли въ настоящихъ обстоятельствахъ. Всѣ эти 90 или 91<sup>3</sup>/<sub>4</sub> мил. уйдутъ въ чужіе края, оставя у насъ только 5 мил. въ бюджетъ ежегодной уплаты. Монетная единица опять упадетъ, и капиталисты готовы будутъ ссудить намъ новую сотню. Дѣло въ томъ, что намъ угрожаютъ, и уменьшеніе производительности, и еще большее, противъ настоящаго, уменьшеніе отпуска. Нашъ вольный трудъ съ Европейскимъ соперничать не можетъ, а недостатокъ путей сообщенія еще болѣе увеличиваетъ цѣнность, такъ что, кромѣ собственнаго употребленія, едва-ли какъ не въ убытокъ обработка земли нашей. (О мануфактурахъ, безъ сильнаго покровительства, и говорить нечего. Наши фабрики должны забиться въ Шую и въ Иваново, чтобы спастись отъ контрабанды и рассчитывать на надбавку цѣны за перевозку. Вообще, по моему мнѣнію, пересмотръ тарифа 1857 г. и проложеніе пути къ Одесскому и др. Черноморскимъ портамъ—требованіе первой необходимости.

Государь былъ на охотѣ въ Лисинѣ. Онъ пріѣхалъ во Вторникъ на ночь и, поужинавъ, отправился на зарѣ и убилъ—торжество охотниковъ!—двухъ глухарей. Потомъ спалъ до часу и, вставъ и подкрѣпившись, охотился въ звѣринцѣ, гдѣ убилъ четырехъ кабановъ и четырехъ оленей. Онъ остался очень доволенъ поѣздкою и благодарилъ министра Зеленаго, обѣщавшись: „пріѣду къ тебѣ со всей семьей“. Вотъ нашъ Государь и зеленые министры.

Такъ дѣлу идти нельзя. Придется, пожалуй, призвать Варяговъ.

А между тѣмъ дѣла всплываютъ важныя, неволью возбуждаются вопросы объемистые. Финансы *de jure* преобразованы. Бюджетъ обнародованъ. Выпускъ ассигнацій предоставленъ банку. Установленъ размѣнъ и устанавливается монетная единица. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ кокетничаетъ и либеральничаетъ, желая угодить и дворнѣ, и великому князю, теперь всемогущему. Министерство Юстиціи передается

этому же князю. Преобразования судебныя въ большемъ ходу и совершаются въ смыслъ учрежденій Французскихъ. Я просилъ дозволенія представить мои замѣчанія и, изготовивъ ихъ на дняхъ, отсылаю къ предсѣдателю департамента законовъ, князю П. П. Гагарину. Спѣшная работа это должна показать, какъ недостаточны источники и матеріалы нашихъ законодательныхъ работъ и какъ мало элементовъ въ нашемъ обществѣ для усвоенія ему учрежденій Европейскихъ. Послать 3 Мая. и записка напечатана.

\*

Вотъ и мои уѣхали. Я сейчасъ проводить. Экая пустота! Экое оставленіе! Точно отъ меня убѣжали, какъ отъ зачумленнаго. Ребячество: слезы такъ и льются. И странное дѣло: у меня вертятся въ глазахъ только дѣти. Приѣхали въ Москву—письмо. Еще день проводятъ тамъ. Выѣзжаютъ въ Воскресенье. У Таты моей глазки красны. Пишутъ оба.

Получилъ письмо изъ Тулы. Все благополучно. 12 Мая въ Орлѣ.

Ходятъ темные слухи. Въ Варшавѣ разстрѣлены 4 офицера, подговаривавшіе солдатъ не препятствовать народу. На телеграфной линіи разстрѣлянъ офицеръ Александровъ, не такъ и (умышленно не такъ) передавшій депешу въ Варшаву. Въ Петербургѣ пойманъ подстрекатель, склонявшій кавалергарда къ подкидыванію и распространенію прокламацій. Князь Бярятинскій произвелъ рядового въ унтеръ-офицеры и далъ сто рублей. Генераль Бутурлинъ (онъ самъ мнѣ это передалъ) послалъ ему еще 100. Арестовано множество. А между тѣмъ прокламаціи продолжаютъ, и источники ихъ не находятъ.

Читалъ *les Misérables* Вик. Гюго. Соціальный романъ, ратующій за несчастія, порождаемыя бѣдностію, зависимостію женщины и невѣжествомъ въ дѣтствѣ. Первая часть—епископъ Миріель и каторжный Вальжанъ—добрый и злой духъ, написана хорошо, съ увлеченіями и антитезами à la Hugo, съ идеализаціей существенности, доходящей до невѣроятнаго. Вторая часть—Фантина и Маделень,—поэтъ испарился, ослабѣлъ; это приторно, ложно, растянуто, вяло. особенно плохи главы, гдѣ Фантина борется съ бѣдностію изъ любви къ Козеттѣ, и Вальжанъ, М. Маделень торгуется съ собою: допуститъ или не допуститъ погнубить обвиненнаго подъ его именемъ. Да, но когда я прочелъ (насилу, насилу прочелъ IV—V, съ ихъ прескучными эпизодами), то мною овладѣло такое отвращеніе, такое презрѣніе къ романической наглости, особенно послѣ мелодрамы Вальжана въ гробъ и на кладбищѣ, что я никакими силами, физически, матеріально не могъ заставить себя взяться снова за книгу. и V и VI (*Marius*) томы, можетъ быть лучшіе, остались и остаются неразрѣзанными. Вѣкъ просить другихъ изображеній, и спекуляція плодovitости страницъ самая худшая.

\*

Аресты, суды, подметанья, раздраженья, продолжаются и все сильнѣе и сильнѣе. Я не вижу тутъ ничего Русскаго и думаю, что все это Польское. Есть люди, которые видятъ въ этомъ Константина Орлеанскаго. Но дѣйствительно дерзость подметчиковъ загадочна безъ сильнаго систематическаго покровительства. Константинъ пріобрѣлъ огромное вліяніе и какъ ни поддавливаются къ этой личности Панины и Валуевы, но онъ не остановится дать имъ преемниковъ изъ своей, морской партіи. Онъ никогда не повѣритъ ихъ искренности. Либерализмъ впрочемъ такъ далеко зашелъ и такъ напористо дѣйствуетъ, что я удивляюсь, какъ до сихъ поръ не выработается оппозиція, реакція въ партіяхъ дворскихъ, которыя ужь очень присмирѣли. Поговариваютъ о преобразованіи главнаго управленія въ Польшѣ. Эта работа маркиза Виелопольскаго. Поговариваютъ о назначеніи намѣстникомъ Царства великаго князя Константина (прежде говорили о Михаилѣ). Для этого формируется цѣлое министерство, вызванъ Николай Милютинъ. Да; но если это есть благовидное удаленіе, то не дорого-ли оно обойдется?

Въ Комитетѣ финансовъ разсудили и положили: возвысить подушную подать на 25%. Это составитъ до 6 м. р. Въ время! Два основанія, кажется, служили этому возвышенію: *во первыхъ* ожидаемый deficit въ 1863 г. оттого: *а*, что сборъ 130 м. р. съ виннаго акциза подлежитъ сомнѣнію; что таможенные сборы уже и теперь противъ 1861 г. оклашаютъ недоборы (по 15 Мая) до 1 м. р., и *б*, что вообще предвидятъ болѣе расходовъ, напр. теперь удовлетворяются отъ казны мировыя учрежденія и т. п., нежели прихода. *Во вторыхъ*, весьма выгодныя заработки народа отъ многихъ общественныхъ предпріятій. Желѣзныя дороги давали крестьянину до 80 к. сер. въ день. Все это прекрасно. Но желаю, чтобы правительство всегда выслушивало такое „Но“—но, *во первыхъ*, во время-ли вы увеличиваете налоги? Они такъ недавно увеличены. *Во вторыхъ*, система податей пересматривается, и увеличеніе подати, особенно подушной, рѣшительно отвергаемой теоріями, по крайней мѣрѣ, непослѣдовательно. *Въ третьихъ*, ожидаемый deficit не есть-ли послѣдствіе невѣрныхъ расчетовъ? Указаніе на винный акцизъ и таможенные сборы это подтверждаетъ. *Въ четвертыхъ*, обнаруживающійся deficit не лучше-ли покрыть сокращеніемъ расходовъ? Они такъ велики, такъ разнообразны и такъ непроизводительны. Не мѣшало бы назначить *enquête parlementaire* для изслѣдованія расходовъ на управленіе. Огромнымъ окладамъ, синекурамъ конца нѣтъ. Деньги сорятся, земли раздаются, а народъ видитъ только увеличеніе налоговъ. Это къ добру не приведетъ. Я понимаю новаго министра: онъ рѣшился установить монетную единицу и сдѣлать заемъ, а обезпечить заемъ (5 м. р.) рѣшается



новымъ возвышеніемъ подати. Такъ управляться легко, но нелегко государству. Въ *пятьхъ*, расчетъ на заработки надобно понизитъ и понизитъ значительно. Брошенные предпріятелями капиталы съ 1856 г. разошлись, и фонды ихъ оскудѣли. Нынче заработки далеко не такъ повсемѣстны и прибыльны какъ въ прежніе годы. Конечно подати у насъ, сравнительно, не велики, но народъ бѣденъ, производительность слаба, капиталовъ нѣтъ.

Я не знаю, чему удивляться. Анархія все растетъ и усиливается, и чѣмъ смѣлѣе враги, тѣмъ слабѣе дѣйствіе правительства. Уже оберъ-полиціймейстеръ „обратилъ вниманіе“ полиціи на распространеніе прокламацій; теперь обращаетъ на эти прокламаціи и министръ внутреннихъ дѣлъ, составивъ правила для типографій. А между тѣмъ прокламаціи продолжаются, аресты продолжаются, опасенія и страхи обнимаютъ все слои общества. Къ прокламаціямъ присоединяются теперь подметныя письма. Общуютъ жечь, указываютъ на мѣстность, и мѣстность эта горитъ, и весь городъ на ногахъ. Сей часъ горитъ вся Фонтанка отъ Чернышева до Семеновскаго моста, М-во Внут. Дѣлъ, Апраксинъ, Щукинъ и Толкучій рынки, Пажескій корпусъ, Загородный проспектъ. Надъ городомъ огненное небо, все улицы полны дымомъ и пепломъ. Вся набережная, вся Фонтанка завалены, все спѣшать, бѣгутъ, скачутъ. Кто это, что это?\*)

Такая же анархія и въ экономическомъ быту государства. Сгорѣли три рынка, но вѣдь такой пожаръ составляетъ разстройство на 50 милліоновъ! А застой въ торговлѣ, внутренней и вѣдшей, поразителенъ. Никто не сомнѣвается въ поджогахъ. Одни говорятъ, студенты, другіе—отпущенные дворовые, третьи—эmissары по соглашенію съ Поляками. Я не вѣрю ни первому, ни второму, ни третьему. Можетъ быть, систематическое дѣйствіе въ прокламаціяхъ и въ подметныхъ письмахъ, но не въ поджогахъ. Оробѣвшія власти видятъ, слѣпо слѣдуя толпѣ, поджигателей. Я приписываю это анархіи, постепенной свободѣ и слабости въ огражденіи порядка. Все разнуздалось. Заботливости мало, ответственности также, энергіи—никакой. Оберъ-полиціймейстеръ объявляетъ: „обращаю вниманіе полиціи, что по улицамъ курятъ“. Законъ не дѣйствуетъ, потому что у власти руки опустелись.

Анархія (и это важнѣе прочаго) въ литературѣ и журналистикѣ. Все газеты, кромѣ „Сѣверной Почты“, самаго яркаго демократизма. „День“ не упускаетъ случая и неразборчивъ въ выраженіяхъ, осмѣи-

\*) Въ это время, по мысли В. А. Кокорева, все бумажное въ Волжско-Камскомъ Банкѣ производилось вдвойнѣ. На случай пожара, банковыя книги отсылались ежедневно на храненіе въ Петропавловскую крѣпость, а списки произведенныхъ дѣлъ оставались въ Банкѣ. П. Б.

ваетъ „официальность“ и правительственныя распоряженія; „Акціонеръ“ называетъ тарифъ 1857 „дѣтски составленнымъ и нерѣдко съ отсутствіемъ здраваго смысла“; Чернышевскій въ „Современникѣ“ доказываетъ, что „университетскія правила“ Августа 1861 г. составлены исключительно съ цѣлью отнять у большей части студентовъ (бѣдныхъ) возможность учиться.

Если мы поднимаемся выше, то и въ министерствахъ и въ совѣтахъ усмотримъ тоже анархическое разложіе, спѣшность, смѣшеніе, противорѣчіе, преступленія, увлеченія минуты, ненаходчивость. Посредственность, громадность и сложность сплетеній крѣпостного вопроса ошеломили всѣхъ, и общее исканіе выхода перепугало пути и цѣли.

И это такъ въ Петербургѣ. Какъ такая анархія отдается въ государствѣ, гдѣ такъ натянута централизація и такъ мало извѣстна самостоятельность? Если насъ чтѣ спасетъ, то это малолюдность, бездорожье и грубое невѣжество народа, хотя эти огражденія могутъ послужить и нашей гибели.

Какая незрѣлость въ нашихъ государственныхъ людяхъ! Вотъ проэктъ Валуева о подоходномъ налогѣ. Дѣло въ томъ, что, воспользовавшись застоємъ капиталовъ въ Европѣ, мы сдѣлали заемъ, и на уплату процентовъ непременно нужно  $5\frac{1}{2}$  милл., а бюджетъ съ изъяномъ, и ему угрожаетъ большой недоборъ въ винномъ акцизѣ и въ таможенномъ сборѣ. Рейтернъ, въ посылкахъ, предложилъ увеличить подушный сборъ (23 милл.) на 25%. Валуевъ, платя дань господствующему духу, въ цвѣтистой рѣчи, всегда притязательной и порядочно педантской, выставилъ, взамѣнъ подушной, подоходную подать, такъ какъ народъ и безъ того платитъ много, а зажиточные классы платятъ мало или ничего. Валуевъ думалъ уничтожить молодого министра и стать въ краю угла. Уголь этотъ—либерализмъ, а края его—демократія. Предположеніе Рейтерна я нахожу не совсѣмъ искреннимъ, но по крайней мѣрѣ определеннымъ. 25% обезпечать долгъ. Предложеніе Валуева и не искренно, и не определено. Выведенный партіею дворскою, онъ не могъ и по личнымъ убѣжденіямъ стать на сторону демократіи и, будучи распорядителемъ земства, онъ не могъ не знать, что слово „доходъ“ въ Апрельѣ 1862 г. есть понятіе болѣе нежели относительное.

Да, но съ чего же берется подать, наша, всякая подать какъ не съ „дохода“? Ужь не съ капитала-ли? Можетъ быть. Но тогда не считывайте ни на благосостояніе, ни на производительность.

Если бы управлять финансами страны было такъ легко, что „вотъ прибавлю 25%“ или „вотъ вамъ подоходная подать, я набросалъ ее сегодня послѣ обѣда; ее слѣдуетъ развить“: тогда не нужно бы было

ни науки, ни опыта. Изъ всѣхъ классовъ Валуевъ насчитываетъ дохода: землевладѣльцы по 450 р. и купцовъ по 1000 р. 76 милл., собственность горожанъ—17,500,000 р. государств. фондовъ 22,500,000 р. т. е. 45 миллион., капиталовъ разныхъ акцій 8 м., служебныхъ окладовъ 12 м. р. Всего 193,800,000 р. дохода, а считая податной процентъ въ  $2\frac{1}{2}$ , сборъ составить въ годъ 4,800,000 р. Изъ всѣхъ этихъ классовъ едвали который похвалится доходомъ, особенно если онъ будетъ покаяваемъ на слово. *Землевладѣльцы* въ самомъ затруднительномъ положеніи и могутъ по доброй совѣсти отозваться: незнаніемъ и даже неимѣніемъ дохода. Измѣненіе хозяйства грозитъ уменьшеніемъ производительности и уступкою конкуренціи другихъ странъ въ торговлѣ внѣшней. *Купечество*—да оно подавлено общимъ застоємъ въ торговлѣ, банкротствами, Американскою войною и тарифомъ 1857 г. Это главная цифра (76 м.) проэкта Валуева, и она, независимо отъ замѣченныхъ затрудненій, относится къ сословію, отъ котораго не только цифру дохода, но и цѣну купли нельзя взять на вѣру. *Горожане*—городскія имущества—считаются только въ цифрѣ 17 м., правда; но доходность этихъ имуществъ, можно сказать, исключительно принадлежит столицамъ, да развѣ Одессѣ, Ригѣ и еще двумъ-тремъ городамъ. Я думаю однако, что односторонность свѣдѣній здѣсь не подлежитъ сомнѣнію. Домоводство сдѣлалось важною статью спекуляцій, и во многихъ городахъ губернскихъ, напр. Вильнѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, Казани и др. доходы съ домовъ должны быть значительны. *Фабрики и заводы* хотя считаются въ доходѣ на 7,800,000 р., но такъ какъ они въ томъ же положеніи какъ землевладѣльцы и купцы, то и на нихъ рассчитывать нечего. Надобно послушать „Акціонера“, чтобы отказаться отъ фабричнаго дохода. *Государственные фонды*; но большая ихъ часть освобождена отъ налога по привиллегіямъ. Акціонерныя общества (Главное Общ. жел. дор. освобождено) едвали дадутъ ожидаемые 3 м. Общества наши щеголяютъ дефицитами, расхищеніями и ликвидаціей. Лучше другихъ идутъ страховыя, но отягощать ихъ новымъ налогомъ значило бы увеличивать процентъ страха, который и теперь препятствуетъ желаемому распространенію страховки. Каждый годъ  $\frac{1}{7}$  Россіи горитъ. Наконецъ, служебные оклады. Говорятъ объ увеличеніи окладовъ, а не объ уменьшеніи ихъ вычетомъ налога. Это такъ, особенно въ настоящее время, когда жизнь все дорожаетъ, а *valuta*  $10\frac{1}{2}\%$  менѣе нарицательной. Но должно замѣтить, что въ послѣдніе годы пожалованья окладныя, арендныя, долговныя, пенсіонныя, щедротныя, земельныя и др., такъ значительны, что не мѣшаетъ исполнить то, что я сказалъ выше, говоря о росписи.

\*

Вотъ передо мною аллокуція Пія ІХ и адресъ кардиналовъ, патріарховъ и епископовъ его святѣйшеству. Это акты обвиненія вѣка, и объ нихъ стоитъ поговорить.

И такъ вотъ чѣмъ кончился вселенскій сборъ Ватиканскій, съѣхавшійся для канонизаціи Японскихъ мучениковъ. Я не буду разбирать того, что говорятъ враги папства; но если папа и его кардиналы, патріархи и епископы не нашли сказать ничего болѣе того, что они сказали: то вѣку поучиться у нихъ нечему. Все это говорено было прежде и лучше и громче. И прежде говорилось это съ авторитетомъ смиренія, котораго нѣтъ ни въ аллокуціи Пія, ни въ адресъ Маттеи. Плакать на водахъ Вавилонскихъ теперь не время. Теперь время положительнаго вопроса: съ признаніемъ необходимости временной, свѣтской власти для духовной независимости папы можно-ли признать совмѣстною эту власть съ требованіями и желаніями народа, ей подчиняемаго? Положительно нѣтъ. Папа былъ орудіемъ Австріи или Франціи и безъ ихъ войскъ не могъ никогда быть независимымъ. Кардиналы и епископы говорятъ объ анархіи въ мысляхъ и дѣйствіяхъ народовъ и правительствъ. Правда; но не содѣйствовало ли духовенство этой анархіи? И не верхъ-ли анархіи этотъ адресъ духовенства, увѣряющій именемъ всѣхъ католиковъ-христіанъ въ своей преданности временной монархіи папы, которая грозитъ пролитіемъ крови? Кардиналы и епископы забыли, что они граждане государствъ и подчинены законнымъ правительствамъ, которыя дозволяли имъ ѣхать въ Римъ (и даже на казенный счетъ) вовсе не для политическихъ манифестацій и которыя вовсе не раздѣляютъ убѣжденій ихъ о свѣтскомъ положеніи папы. Бѣдствія католицизма велики. Нельзя понять, какъ можетъ быть устроенъ глава церкви, но и событіе Итальянское не менѣе велико, не столько по своему объему, сколько по своимъ основаніямъ. Это—продолженіе и знаменательнѣйшее развитіе начала народной воли, которая хочетъ господствовать *de facto* и *de jure*. Папство гнется передъ силою и подписываетъ конкордаты 1809 г.; но это же папство, и уже черезъ 50 лѣтъ, подписываетъ конкордаты Австрійскій, при которомъ уже Вѣна становится вторымъ городомъ папской короны. Святые учрежденія такъ не дѣйствуютъ.

Я все еще не могу дать себѣ отчетъ о нашихъ Петербургскихъ смутахъ и пожарахъ. Слышу и вижу строгости. Намекаютъ на связь пожаровъ съ Лондонскою пропагандою. Возводятъ ее въ систему. Клеймятъ литераторовъ, и особенно ихъ клубъ (шахматный) и ихъ общество (пособія бѣднымъ литераторамъ) и ихъ сходы въ кабинетъ библиотеки Серно-Соловьевича и въ политико-экономическихъ комитетахъ. Москва отличается преданностію. Тамъ „Современная Лѣтопись“ и „Наше время“, Катковъ и Павловъ, помѣстили архи-правительственныя статьи о связи поджоговъ

съ пропагандой. Я вовсе этого не вижу, хотя могу доводить вести отъ пожаровъ до Великоросса, отъ Великоросса до—до Бакунина или Герцена. Дѣло (самое грустное дѣло) въ томъ, что реакція началась и только и слышишь „то запрещается, то закрывается“, а по словамъ Павлова, съ 1857 года только и слышалось „отмѣнить, открыть, освободить“. А еще болѣе то, что литература, школы, даже книжныя лавки играютъ въ этомъ болѣе нежели двусмысленную роль и легко могутъ вызвать самыя произвольныя мѣры со стороны гг. Валуевыхъ, Головинныхъ и друг., которые „корчатъ либераловъ“. Реакція такая вовсе не страшна—она идетъ противъ меньшинства и малаго и незрѣлаго и неплотнаго и несильнаго характеромъ, но она печальна, нежелаема тѣмъ, что, захватывая какихъ нибудь Безобразовыхъ (Влад.), Чернышевскихъ, Соловьевичей, она захватываетъ и широкій путь распространенія знаній, который—въ время или не въ время—началь пролагаться и прививаться къ мыслямъ.

Вотъ была передрыга! Перепуганная пожарами и подъ впечатлѣніемъ моихъ тоскующихъ писемъ, жена, не дождавшись отвѣта по телеграфу (онъ поломался), прискакала ко мнѣ. Сдѣлать 1000 верстъ ничего не значило этому высоко благородному, прекрасному сердцу. 14 Юля, едва проснувшись, я увидѣлъ ее въ моей спальнѣ и пораженъ былъ чрезвычайно. Какъ ни неоснователенъ былъ этотъ поступокъ, это былъ подвигъ и въ основаніи его лежало такое высокое чувство, которое обезоруживаетъ даже Тацитовское оскорбленіе достоинства неотплатимымъ благодареніемъ. Я всегда буду помнить и цѣнить эту геройскую поѣздку.

\*

Мы выѣхали 17 Юня, а 19 были въ Орлѣ и 20 поутру съ дѣтьми. Въ деревнѣ я занимался бюджетами Англій, Франціи и Пруссій (по Чернячу) и Прусскимъ цензурнымъ закономъ 1853 г. 4-го оставилъ Рябники и 8-го, пробывъ болѣе сутокъ въ Калугѣ и Москвѣ, воротился въ Петербургъ.

Меня поразила поѣздка жены. Я не могъ понять, какъ она могла рѣшиться оставить дѣтей, особенно Митю. Тата еще ребенокъ. Мишѣ 8-ой годъ, и деликатная болѣзненная эта организація страдала все время отсутствія матери, къ которой дѣти такъ привязаны. Свѣенравный ребенокъ этотъ все время былъ веселъ, любезенъ и необыкновенно послушенъ. Всѣ это замѣтили, всѣ этимъ восхищались и радовались. Я думаю и думаю иначе. Его давило отсутствіе матери, и безъ нея, чувствуя себя оставленнымъ, безильнымъ, онъ покорился и смирился. На другой день нашего пріѣзда ребенокъ, въ разсужденіяхъ съ матерью, высказалъ ту мысль, „что когда дѣти нехороши, Богъ дѣлаетъ ихъ больными, и это

огорчаетъ рара и тапан; а когда дѣти не исправляются, Богъ беретъ у нихъ тапан“.

Прекрасные мои ангелы дѣйствительно прекрасны. Въ нихъ много благородства, самолюбія даже слишкомъ. Всѣ ихъ любятъ, и всѣ ими заняты. Для нихъ крѣпостное право нисколько не измѣнилось, и они (это очень жаль, и я постоянно указывалъ на это гувернанткѣ) растутъ въ барскихъ привычкахъ. А барство, боярство проходитъ. Прошло невозвратно.

Когда я посмотрѣлъ поближе на нашъ барскій домъ\*), я едва узналъ его. Все расходится, разшивается, разрушается. Прислуга, столь многочисленная когда-то, пошла искать лучшаго. Лучшіе люди оставляютъ, пріискавъ лучшее положеніе. Оставшіеся небрежны, корыстны и беззаботны. Обираютъ домъ; въ домъ, въ саду, въ кладовой, и за всѣмъ надобно наблюдать подозрительно, мелочно, раздражительно. На многое смотришь сквозь пальцы; не знаешь, какъ замѣтить, какъ взыскать, какъ приказать. Работы полевая идутъ лучше прошлаго года, но все таки плохо, и въ сношеніяхъ и отношеніяхъ столько непривычнаго, натянутаго, что миришься съ ущербомъ, лишь бы избѣжать этихъ сношеній. Поэтому личный надзоръ и тягостенъ, и бесполезенъ. Въ домъ все падаетъ отъ буфета до подвала. Но ложное положеніе дворянства, барщиннаго, безъ власти—еще неглавное. Дворянство раззорится. Непостепенность перехода и недостатокъ средствъ и самыхъ элементовъ для новаго порядка хозяйства уменьшаютъ и размѣръ посѣвовъ и сѣвооборотъ. Нужны деньги, а ихъ нѣтъ. Надежда на выкупъ, за который честь и слава Валуеву, и нуженъ кредитъ подъ свободныя земли, за который еще никому спасибо нѣтъ. Спасибо слѣдовало бы сказать порядку, но и порядка-то нѣтъ. Оставивъ Петербургъ послѣ пожаровъ, я въ деревнѣ слышалъ отголоски выстрѣловъ въ намѣстниковъ Царства: генерала Лидерса, великаго князя Константина. Ни то, ни другое покушеніе не вызвало особыхъ мѣръ, и это молчаніе, оградившееся увѣреніемъ, что все дастся, чтѣ предположено, имѣетъ видъ уступки, которая будетъ не послѣдняя. Пріѣхавъ я узналъ, что не найдено ни одного поджигателя, но что реакція Валуева-Головнина не только запретила „День“ (Аксакову) съ передачею его Ю. Самарину, „Современникъ“ и „Русское Слово“, но, употребивъ предсѣдателя слѣдственной комисіи Жданова, реакція эта опрокинулась и на борзописцевъ: Чернышевскаго, Серно-Соловьевича и Писарева. Ихъ арестовали и бумаги опечатали.

---

\*) Касторъ Никифоровичъ говоритъ про домъ своего тестя Александра Дмитріевича Бобарыкина, въ Волховскомъ уѣздѣ, Орловской г. П. Б.

Гвардейское начальство все переменено. Въмѣсто Плаутина великій князь Николай; вмѣсто графа Баранова—графъ Бревенъ-де-ла-Гарди. Правила Валуева о типографіяхъ и книжныхъ лавкахъ и здѣсь, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, привели къ сомнѣніямъ и затрудненіямъ. Въ Нижній, по случаю стеченія ярмарочнаго народа, посылается, въ видѣ временнаго ген.-губернатора, строгій и горячій генераль Лауницъ, съ широкими правами. Я не совѣмъ понимаю: кому честь и слава за такое положеніе государства? А не было печали, да черти накачали.

Все это время я почти исключительно занятъ соглашеніемъ супруговъ Обрѣзковыхъ: Михаила (сына Дмитрія, „что аршинъ проглотилъ“, женатаго на Натальѣ Васильевнѣ Шереметевой, и Варвары, дочери Дмитрія Коробьина, женатаго на сестрѣ Бутурлина „рыжаго“). Они ссорятся, грызутся и дерутся давно, съ 1845 г., со дня брака. У него большое имѣніе (5 т. душъ и 25 т. десятинъ), но въ большемъ разстройствѣ; у нея 500 т. серебромъ, и все на лицо. Это главная причина раздора. Потомъ своеобразныя привычки, потомъ Русское великосвѣтское воспитаніе, потомъ свѣтъ. Характеры. Нужды мужа и расчетливость жены. Она мнѣ рекомендована Юліей Васильевной Шереметевой, теперь умершей, и я какъ бы исполняю ея завѣщаніе. Мнѣ чрезвычайно тяжело съ Апрѣля мѣсяца быть ихъ посредникомъ. и едва ли я успѣю. Примирить ихъ рѣшительно невозможно: согласить ихъ на условія приличнаго развѣзда? Мужу хочется денегъ (у жены 24 т. дохода), а женѣ не хочется давать ихъ. Онъ тиранитъ и вымогаетъ, она отвѣчаетъ тѣмъ же. Ругательства непочемъ. Часто драки. Можно представить себѣ положеніе дѣтей, изъ которыхъ Дмитрію 16 лѣтъ. Хороша будущность! 25 Іюля вечеромъ, послѣ безконечныхъ толковъ и переговоровъ, десять разъ переходя изъ кабинета въ кабинетъ, мнѣ удалось согласить ихъ на предложенныя условія, и въ 12 часовъ ночи они сошлись, поцѣловались и общались забыть прошедшее. Я глубоко былъ тронутъ. Защищая жену, я долженъ однако отдать справедливость мужу. Дай Богъ, чтобы это было, если не навсегда, то на долго. Какія ужасныя сцены видѣлъ я, при расчетахъ, 16 Августа. Это я едва объяснить себѣ могу. 16 Авг. Четвергъ.

\*

Въ *Revue de deux Mondes* (15 Іюня) помѣщена вторая статья Мазада о Россіи, въ томъ же духѣ какъ и первая, написанная безъ увлеченія, съ знаніемъ дѣла и благонамѣренностію. Рѣчь идетъ объ управленіи, о министерствѣ и министрахъ. Имъ достается порядочно, и за дѣло. Особенно досталось Муравьеву и Валуеву. Валуевъ, кромѣ представительности, отмѣчается синтетическимъ воззрѣніемъ, даромъ слова и легкостію пера. Все это, въ соединеніи съ разнообразными свѣдѣніями,

выдвигаетъ его далеко изъ ряда его товарищей. Но у него есть недостатокъ—это пристрастіе къ (Остзейскимъ учрежденіямъ, гдѣ очень вѣрятъ буквѣ, слову, считая его тождественнымъ съ дѣломъ. Это—притязательное краснорѣчіе, весьма хорошее при Нѣмецкихъ совѣщаніяхъ. Эта англоманія, не думающая о многихъ и любящая ширину и высоту. Головинъ и Валуевъ много способствовали, своими неопытными распоряженіями, вызову тѣхъ затрудненій, въ которыхъ находится государство. Валуевъ, зная крамолы дворянства, придумалъ предложить его собраніямъ 5 п. п., которые могли только служить поводомъ къ выраженію убѣжденій, изложенныхъ въ постановленіяхъ Тверского дворянства и 13-ти его представителей, предводителей и посредниковъ. Валуевъ же официальнойностію политическихъ и литературныхъ заявленій въ „Сѣвери. Почтъ“ проложилъ пошире путь къ тѣмъ выходкамъ газетъ и журналовъ, которыя вынудили министерство къ строгостямъ, похожимъ на реакцію и возбуждающимъ неудовольствіе. Головинъ сдѣлалъ почти тоже. Найдя университетъ закрытымъ, онъ хотѣлъ помолодецки смять этотъ вопросъ и открылъ (публичныя залы) университетъ общій, т. е. крамолу въ стѣнахъ университета перевелъ на улицу. Какъ Валуевъ, такъ и Головинъ выборомъ и назначеніемъ лицъ заслуживаютъ тотъ упрекъ, что они ищутъ опоры въ партіяхъ и котеріяхъ, а польза дѣла для нихъ не много болѣе удачнаго фарса.

Прочелъ я 4 выпуска „Свободнаго Слова“ Московскаго кандидата правъ въ Берлинѣ Леонида Блюмера (брата Петербургской авантюристки, содержащейся въ крѣпости и Ферд. Шнейдера, книгопродавца, повидимому исключительно посвящающаго себя изданію Русскихъ книгъ). Это четвертый заграничный журналъ Русскій. Онъ задуманъ серьезно, но не серьезно исполняется. И поспѣшно, и молодо, и незрѣло. Онъ серьезнѣе „Колокола“ и „Будущности“ (Правдыаго), но мелокъ, коротокъ, бѣденъ, слабъ, тощъ. Едва-ли ему и пожить долго. На вторыхъ же страницахъ онъ оставилъ тонъ программы своей и ругается какъ „Колоколъ“, не имѣя ни его авторитета, ни его энергіи, какъ „Будущность“, не владѣя анекдотическими ея запасами. По замашкамъ сдается, что молодой редакторъ можетъ быть хорошимъ публицистомъ. Программа и пріемы его обнаруживаютъ человѣка гуманнаго, способнаго отказаться отъ крайностей и увлеченій, которыя такъ рѣзки въ Герценѣ, Долгоруковѣ и Огаревѣ. Наши выходцы были и могутъ быть полезны, но при настоящемъ положеніи они должны быть не столько радикальны, сколько просвѣщенны.

Кстати о Герценѣ. Имя его разрѣшено, упоминается, повторяется въ литературѣ. Первое дозволеніе дано Шадо-Феротти (баронъ Фирксъ), написавшему *Lettres à m. Herzen*, по поводу будто бы бывшаго покушенія



на жизнь Герцена. Во второй разъ упомянуто это имя при перепечатаніи рѣчи, сказанной Герценомъ въ 1837 г. въ Вятской бібліотекѣ. Теперь оно упомянуто въ грозной, ѣдкой статьѣ Каткова („Русскій Вѣстникъ“ Іюнь): „Замѣтка для издателей Колокола“. Есть въ этой статьѣ что-то лишнее, метящее, злорадостно глумящееся. Она, и послѣ тоже несладенкихъ статей „Колокола“ (1 и 2 Іюня, листъ 137) производитъ непріятное, тяжелое впечатлѣніе. Перебирая дѣятельность Герцена и особенно обличительную газету его (съ 1 Іюля 1857 г.), не можешь отказать ему ни въ прямотѣ, ни въ постоянствѣ, ни въ безкорыстїи, ни наконецъ въ напряженной, обширной дѣятельности. Самая энергія, типичность рѣчи его имѣеть даже высокое литературное достоинство. Катковъ, какъ правительственный публицистъ, не только не отдаеть ему никакой справедливости, но видитъ въ немъ человѣка нечестнаго, который рискуеть, увѣренный въ безопасности, топить другихъ, легкомысленно потчуя ихъ апоѳеозами, и готовъ пожертвовать своей личности благомъ народа. Онъ представляетъ его фразѣромъ, шутомъ, который кривляется, ломается, привередничаетъ или „претендуеть на уваженіе за то только, что онъ не нарушилъ крайней юридической нормы нравственности“, или видитъ въ немъ „старую блудницу, которая вышла плясать передъ публикой“. Намекнувъ въ „Современной Лѣтописи“: „мы хорото знаемъ что это за люди“, Катковъ такъ оканчиваетъ филиппику свою въ „Вѣстникѣ“: „Издатели „Колокола“ спрашиваютъ насъ, какіе они люди? Мы сказали. Честными ни въ какомъ случаѣ назвать ихъ нельзя. Отъ безчестья имъ одна отговорка—помѣшательство“. Это уже не упреки Чичерина въ „Колоколѣ“ 1858, листъ 29\*).

Легонько, грубенько и мелочно. Герценъ не замедлитъ отвѣчать самъ и съумѣеть насказать эпитетовъ не хуже Каткова. Онъ уже отвѣчалъ Чичерину въ 1860 г. на упреки менѣе ругательные. Не вчерась началъ свое агитаторство Герценъ, и развѣ только личный недоброжелатель согласится съ Катковымъ, что „доживъ до сѣдыхъ волосъ, Герценъ не далъ себѣ отчета и не имѣеть сознанія о самомъ себѣ“. Въ Іюль 1857 г. онъ писалъ о своемъ „Колоколѣ“:

Звучить, раскачиваясь, звонъ,  
И онъ гудѣть не перестанетъ,  
Пока, спугнувъ ночные сны,  
Изъ колыбельной тишины  
Россія бодро не воспрянетъ.

И крѣпко на ноги не станеть,  
И непорывисто смѣла—  
Начнетъ торжественно и стройно,  
Съ сознаньемъ доблести спокойной,  
Звонить во всѣ колокола.

\*) Но иногда и у Каткова встрѣчаются тождественныя съ Чичеринымъ обвиненія. Такъ послѣдній относитъ напряженность и измѣнчивость дѣйствій къ нетерпѣнью, къ темпераменту Герцена, который предпочитаетъ быстро перегорать, истощаться гнѣвомъ и негодованіемъ. „Истоцайтесь, таковъ вашъ темпераментъ; его не перемѣнишь. Но позвольте думать, что это не служитъ ни къ пользѣ Россїи, ни къ достоинству журнала, и что во всякомъ случаѣ нечего этимъ величаться“.

Съ того времени онъ началъ открытую, систематическую войну съ Русскимъ правительствомъ за цензуру, за крѣпостное право, за тѣлесныя наказанія и за всѣ тѣ злоупотребленія управленія, которыми переполнены листы, книги и брошюры его. И что же? Звона этого слушали, его боялись, ему повиновались. Правительство исполнило его программу: цензура, крѣпость, плети отмѣнены. Но куда мы пришли? Это вина не Герцена. Правительство сочло возможнымъ сдѣлать второй шагъ прежде перваго. Оно вступило въ революціонный путь и запуталось. Герценъ въ чемъ тутъ виноватъ? Оно вынуждено обратиться къ реакціи. А развѣ Герценъ не бичуетъ его за это? Ненадобно быть несправедливу даже къ личному врагу и не забывать продолжительную дѣятельность подъ вліяніемъ впечатлѣнія дневныхъ событій. Каткову не повѣрять; скажутъ, что онъ, какъ Н. Ф. Павловъ, подкупленъ, и молодежь прилѣпится къ Герцену сильнѣе и плотнѣе. Реакція очень ошибается, если думаетъ опираться на такія статьи\*).

Отнынѣ партія Герцена въ обществѣ и въ литературѣ дѣлается могуществомъ, признаннымъ правительствомъ, какъ это признавала молодежь давно: Б. Чичеринъ въ 1858 (вы сила, вы могущество въ Россіи) и даже Катковъ въ настоящей статьѣ. Остается разрѣшить „Колоколъ“. Мы играть любимъ. Но играли это? Замѣчательно однако, что въ „Колоколѣ“ участвовали бойкіе школьники, обиженные и недовольные чиновники; но мнѣ неизвѣстно, чтобы въ немъ была хотя одна статья нашихъ аристократовъ науки, администраціи и общества. Щедо-Феротти увѣряетъ, что „Колокола“ порядочные люди не читаютъ. Это несправедливо. Его читаютъ дворъ, министры и многіе, правда, морщась.

„Сѣвер. Пчела“ порицаетъ статью Каткова, смотри № 62 1862 г. и листъ 7 Августа и 3 Смотри также „СПетербур. Вѣдом.“ и „Сынъ Отечества“ №№ 17 Августа.

\*

Три-четыре покушенія въ Варшавѣ въ наше время, обильное такими покушеніями, не производятъ особеннаго впечатлѣнія. Повсе-

\*) Катковъ въ сущности повторяетъ то, что написала о Герценѣ графиня Растищина, сказавъ между прочимъ;

*Легко бѣжать съ милономъ на чужбину  
И клеветой оттуда насъ громить,  
Ложь съ истинной метать на половицу,  
Чтобъ нищихъ духомъ съ толку сбить.  
Чужую жизнь легко переначить,  
И ближняго не трудно очернить,  
Толпы трескучимъ словомъ одурачить  
И даже на ходули взгромоздить.*

мѣстное и частое нарушение порядка, народныя манифестаціи, уклончивость полиціи и слабое прещеніе уголовного суда доказываютъ несостоятельность существующаго порядка, который попираютъ и счастливые агитаторы Гарибальди, Кошутъ, Мирославскій и несчастныя жертвы фанатизма Орсини, Ярошинскій, въ Баденѣ, въ Греціи и на Пиринейскомъ полуостровѣ. Есть какое-то внутреннее сознаніе слабости въ представителяхъ и защитникахъ существующаго порядка. Это даетъ смѣлость противникамъ. Отъ уступокъ къ уступкамъ, слабость однихъ и требовательность другихъ дошли до того, что Царству Польскому недостаетъ почти одного своего войска, чтобы получить, безъ шумныхъ палатъ, отдѣльное, національное правленіе. Еще въ Мартѣ Джонъ-Россель объявилъ парламенту, что вѣроятно Петербургское правительство послушается совѣтовъ маркиза Велопольскаго. Въ началѣ Мая министръ Валуевъ сдѣлалъ „Виленскому Курьеру“ замѣчаніе за это оглашеніе, а въ срединѣ Мая совѣты Велопольскаго начали приводиться въ исполненіе и исполняются въ широкихъ размѣрахъ, несмотря на выстрѣлы въ Лидерса, князя-намѣстника и гражданскаго правителя. Маркизь Велопольскій человекъ замѣчательный и вмѣстѣ съ митрополитомъ Фелинскимъ принадлежитъ правительственной партіи, партіи сильной Русскими штыками и слабой противъ національныхъ патріотовъ, демократа Мирославскаго и аристократа Андрея Замойскаго. Великій князь хотѣлъ согласить, совокупить всѣ партіи. Но этого сдѣлать рѣшительно нельзя безъ деспотизма, который несомнѣнъ, или конституціи, которая преждевременна. Онъ и Велопольскій думали найти это примиреніе въ двухъ вопросахъ: въ національности, въ учрежденіяхъ народнаго просвѣщенія и въ очиншеваніи крестьянскихъ земель, вопросы либеральныя и въ настоящую минуту способные возбудить признательность благомыслящаго населенія. Но не на долго. Въ недалекомъ времени либеральныя установленія обратятся (по крайней мѣрѣ большинство) къ національной демократической партіи. Будущность (и будущность не-отдаленная) принадлежитъ ей. Не менѣе успѣшно и едва ли не болѣе практично дѣйствіе аристократической партіи графа Замойскаго. Она обратилась къ интересамъ матеріальнымъ, къ земледѣлію и къ путямъ сообщенія. Учрежденныя общества даютъ этой партіи значеніе замкнутой корпорации, и значеніе это весьма сильно въ странѣ, гдѣ право собственности не ослабляется общиннымъ владѣніемъ. Во взаимодѣйствіи этихъ партій вращается великій князь Константинъ, собственно, какъ военный начальникъ. Онъ бы непрочь искать, по-петербургски, популярности въ толпѣ и въ народѣ, либеральными выходками въ Варшавѣ и энергическими, какъ въ Россіи, мѣрами очиншеванія; но Варшавская толпа, кромѣ штыковъ, уважаетъ только Мирославскихъ и не вѣритъ

либеральнымъ аллюрамъ Высочества. Въ этой толпѣ бродятъ Кебель, Ремишъ, подмастерье Ярошинскій, Рыль, Іоанъ Ржонца и вѣроятно другіе. Чтѣ же касается очиншеванія, то оно никогда по-россійски идти не можетъ уже и потому, что классъ дворянства тамъ имѣетъ болѣе самостоятельности, и народъ не способенъ ни къ какой инициативѣ. Ему нужны имена, и онъ ихъ возьметъ изъ національныхъ и преимущественно изъ Мирославскихъ.

Я не думаю, чтобы вся эта молодежь (22, 19 и 20 лѣтъ) были продажные бравѣ и скорѣе готовѣ полагать, что національное Польское общество, не чуждое и нашимъ пожарамъ и прокламаціямъ, идетъ въ Варшавѣ на плаху изъ національнаго фанатизма по выпадающему жребію. Ярошинскій повѣшенъ 8 Августа.

Читаю Mémoires de Canler, ancien chef du service de sûreté, любопытная книга о Французской полиціи съ 1820-хъ по 1850-й годы. Канлеръ очевидно мастеръ своего дѣла и, кромѣ нѣкоторыхъ прикрасъ и самовосхваленій, пишетъ правдиво. Эта правдивость подкрѣпляется фактами событій, времени, мѣста и самыхъ именъ. Порочность Парижскихъ преступниковъ и горожанъ меня не удивляетъ. Она отвратительна во многихъ видахъ, дѣлаясь ремесломъ и облекаясь, такъ сказать, въ терпимыя, какъ бы законныя, формы. Меня удивляетъ недостойное значеніе полиціи, которую правительства то употребляютъ для провокацій, то начальствующія лица на свои частныя нужды и дѣлишки, то сами полицейскіе чины для наживы и личныхъ видовъ. Я не знаю, обязаны-ли полицейскіе чиновники присяжною тайною; во всякомъ случаѣ жалко то общество, въ которомъ книги Канлера проходятъ безъ обвиненій, безъ оправданій и даже безъ возраженій. Успѣхъ сочиненія обѣщаетъ много подобныхъ публикацій и, какъ говорить Гёте, если все „выходитъ на солнце“, то гласность, затруднительная, безстыдная должна способствовать, усиливая черноту и преступность, уменьшать ея численность.

Краевскій основываетъ новую газету „Голосъ“. Порицая, что „со всѣхъ сторонъ раздались голоса о несостоятельности существующаго, что мы принялись съ особеннымъ рвеніемъ отрицать старое, предаваясь этому занятію съ какимъ-то наслажденіемъ, съ любовью, и часто для слова, для красивой фразы, глумились надъ понятіями, принципами и учрежденіями, которыхъ замѣнить намъ пока нечѣмъ“, редакторъ, и заслужный редакторъ (24 года „Отечественныя Записки“ и 10 лѣтъ „С.-Петербург. Вѣдомости“) сознается, что всякое умѣренное слово, малѣйшій намекъ на осторожность клеймили мы названіемъ реакціонизма и отсталости, и, наоборотъ, всякое слово, всякій даже бредъ людей, пользующихся титуломъ передовыхъ, привѣтствовали жаркими рукопле-

сканіями, онъ, заслуженный редакторъ, сознается и въ томъ, что „теперь у насъ вся почва взрыта: если же что и уцѣлѣло фактически, то уничтожено нравственно.... Отвергнуто такъ много, созидать приходится столько, что никакимъ глазомъ не окинешь размѣровъ той силы, которая потребна на сооруженіе“... Онъ привѣтствуетъ наступившую эпоху „согласнаго дѣйствія сверху и снизу“, и „водворенію и упроченію этого согласія“ будетъ посвящена новая газета“. Странное дѣло! Ник. Павловъ, говорятъ (и писали), получаетъ субсидію въ 25 т. р. за направление „Нашего Времени“; Катковъ, говорятъ, получилъ 15 т. р. за статью противъ Герцена \*), удостоившуюся особаго покровительства Головинна, ну, а эта программа à la Булгаринъ что стѣдить?

Но печатное сознаніе журналиста замѣчательно. Оно конечно не мѣшаетъ радикализму ни „Петерб. Вѣдомостей“, ни „Современной хроникѣ“, „Отечественныхъ Записокъ“, и вѣроятно не повредитъ ему и въ новой газетѣ, ибо онъ прибыль, а прибыль душа промышленности; но тѣмъ не менѣе, изъ прибыли или по невыгодѣ, сознаніе заслуженнаго журналиста замѣчательно и поучительно.

\*

Какія грустныя мысли овладѣли мною въ эту минуту, когда я подумалъ о себѣ, о тебѣ, Митя, и о тебѣ, о моя милая Тата! Точно насъ ожидаетъ печальная участь посреди этихъ ликованій народности, демократіи и рационализма. Я оставляю старую квартиру, гдѣ, въ тѣснотѣ, мы жили такъ счастливо, чтобы жить пошире.

Вотъ и опять поѣздка въ деревню, свидѣтельство разрушающагося помѣщичьяго быта. Дворянѣя распустилась и разбродится, старые, малые и калѣки еще жмутся подъ общимъ кровомъ. Сады пустѣютъ, и въ нихъ встрѣчаешь гуляющихъ и скотину, для запрета которымъ полиціи нѣтъ, а нѣтъ и достаточной охраны. Но меня поразило и равнодушіе правительства къ положенію помѣщиковъ. Тогда какъ прежде правительство, по случайнымъ событіямъ, широко прощало взысканіе и недоимки, теперь оно, въ лицѣ бойкихъ губернаторовъ, налегло на нихъ и взыскиваетъ съ такими изощреніями (опека, продажа скота и даже высылка изъ имѣнія), какія и при процвѣтаніи крѣпостнаго права представлялись разорительными. А между тѣмъ, при недостаткѣ капиталовъ и дохода, правительство съ 1859 г. закрыло поземельный кредитъ, предоставляя (это похоже на насмѣшку) открыть его въ частныхъ рукахъ. Еще бы оно удовлетворялось указаніемъ дьякону молиться о нищенствующимъ дворянамъ вмѣстѣ съ путешествующими и болящими. Это вынудило меня обратиться къ министру Валуеву и подать ему

\*) Это вполнѣ несправедливо, М. Н. Катковъ никогда не получалъ пособій ни отъ правительства, ни отъ Евреевъ. П. Б.

три записки: о недоимкахъ, о порядкѣ ихъ взысканія и объ открытіи кредита подъ земли, остающіяся за надѣломъ крестьянъ.

Я встрѣтилъ въ Валуевѣ большую готовность, положительное обѣщаніе и получилъ даже благодарность за сообщеніе моихъ наблюдений. Я этому вѣрю, но вѣрю единственно потому, что хочется вѣрить, а хочется потому, что перстами моими осязаль эти вопіющія нужды.

Оставляя это, должно сказать, что крестьянское дѣло идетъ хорошо, и готовность, съ которою оно исполняется, дѣлаетъ честь и народу, и сословію, и правительству. Надобно ожидать затрудненій при разверсткѣ земель. Не торопись правительство въ 1857 и 1861 годахъ, оно достигло бы цѣли, не разстроивъ помѣщиковъ, не прибѣгая къ революціонно-диктаторскимъ мѣрамъ и не опасаясь на каждомъ шагу то бунтовъ, то злоупотребленій. Дворянство фрондируетъ на сѣздахъ и собраніяхъ и тѣшить себя адресами, заугольнымъ либеральничаньемъ и легкими обѣщаніями жертвы, когда жертвовать нечего. Податная часть идетъ исправно. Сборы бездоимочно и вообще идутъ свободно; кажется, съ переборомъ. Но крайней мѣрѣ дѣйствительные сборы превзошли ожиданіе поступленія. Это объясняется массою бумажныхъ денегъ, легкостію заработка при бывшихъ обширныхъ и расточительныхъ предпріятіяхъ и частію желаніемъ быть исправными въ первый годъ вольности. Иначе будетъ, думаю я, при развитіи обязательнаго надѣла.

\*

Всѣ ожидали 8 Сентября (праздникъ тысячелѣтія) милостиваго манифеста. Его не было. Не было и обнародованія общихъ преобразованій, котораго тоже ожидали. Вышелъ только указъ для Польши, о прекращеніи дѣлъ по конфискаціямъ. Пора, давно пора. Польша смотреть не то уже косо, но прямо, во всѣ глаза, и требуетъ—давай да давай! И ей дадутъ. Дворянство въ Царствѣ и Западныхъ губерніяхъ, потерявъ крѣпостное право, имѣетъ теперь (цѣлью) только пріобрѣтать. Нельзя же ему оставаться въ бездѣйствіи и ничтожествѣ, наравнѣ со всякимъ землевладѣльцемъ, бывшимъ его крестьянникомъ. Дворянство западное требуетъ присоединенія къ Царству, и дворянство Польское собирается на совѣщаніяхъ у графа Андрея Замойскаго и требуетъ возвращенія правъ, гарантированныхъ Вѣнскимъ конгрессомъ. Нельзя не сказать о двусмысленной роли князя-намѣтника. Онъ всегда любилъ искать популярность и теперь въ затруднительномъ положеніи, болѣе нежели когда нибудь. Говорятъ, что всѣ эти совѣщанія дѣлаются подъ его покровительствомъ, которое дается Андрею Замоискому, чтобы избавиться отъ всеокружившей Лазенки опеки маркиза Велопольскаго. „Мнѣ всегда пріятно узнать желанія страны и исполнить ихъ, если того требуетъ большинство, и это требованіе не противорѣчитъ общимъ дѣламъ Имперіи“.

Эти слова намѣстника способны вызвать манифестаціи въ огромныхъ размѣрахъ. Великій князь помиловаль, дозволивъ возвращеніе сотнямъ, тысячамъ; но онъ не знаетъ, что прощенные не прощаютъ.

\*

Не понимаю Гарибальди. Онъ шель на Францію. Съ кѣмъ, съ чѣмъ? Кошутъ и Клапка его опровергаютъ. Министерство признаеть возмутителемъ. Въ Сициліи и въ Неаполѣ законность порядка не нарушена. Здѣсь должно быть недоразумѣніе. Или министерство обмануло Гарибальди, попуская его дѣйствія, чтобы принудить Францію выдти изъ неопредѣленнаго и неподвижнаго положенія въ Римѣ; или Гарибальди обманулся, думая увлечь за собою министерство.

Положеніе новаго королевства самое ложное. Оно не смѣеть ни отказаться отъ своей программы, ни исполнить ее; а Франція, опредѣленно и энергически выразясь противъ этой программы, признала и заставила Россію и Пруссію признать Итальянское королевство—безъ Рима. Но въ порядкѣ-ли вещей Флоренціи, Милану и Неаполю признать первенство Турина? Не выросли ли эти отдѣльно развившіяся мѣстности изъ тѣхъ годовъ, когда сліяніе возможно? Не обратится-ли Италіи къ федеративной системѣ Наполеона? Не переходное-ли это положеніе къ федеративной республикѣ?

Жаль Гарибальди. Онъ осрамленъ, осмѣянъ, раненъ, въ плѣну, и много если не совсѣмъ потерялъ силу обаянія.

\*

Введеніе казенной, вольной, вмѣсто откупа, продажи хлѣбнаго вина сопровождается опасливыми, предусмотрительными (чтобы не сказать насильственными противъ откупщиковъ) мѣрами. Чтобы они не залили 1863 годъ, имъ не хотять отпускать сверхнормальной пропорціи. Эта казенная продажа породила уже томы положеній и циркуляровъ и полчища чиновниковъ. Одно это не рекомендуетъ мѣры. Откупная цифра выберется безъ затрудненія, ибо пьютъ много, и съ удешевленіемъ нельзя же ожидать воздержанія. То несомнѣнно, что, отстраняя частную производительность подъ предлогомъ монополіи и злоупотребленій, правительство заявляетъ свою несостоятельность въ предупрежденіи и преслѣдованіи злоупотребленій и принимается хозяйничать. Я не сомнѣваюсь, что мы опять придемъ къ откупамъ.

А вотъ преобразованія судебной части. Обнародованіе ихъ произвело громадное впечатлѣніе, праздникъ, говоръ на улицахъ. И всѣ эти колоссальныя реформы дѣлаеть бывший молчаливый наслѣдникъ, Александръ II-й!

Der König Karl am Steuer saß  
Und hat kein Wort gesprochen,

Er lenkt das Schiff in rechten Maasß  
 Bis sich der Sturm gebrochen.

Реформа колоссальная. Роскошь. Расточительность. Конституція. Кромѣ гласности, присяжныхъ, повѣренныхъ и несмѣняемости, здѣсь замѣчательно нововведеніе, которое особенно важно, потому что можетъ приняться. Это мировые судьи и ихъ сѣзды, другими словами: *судъ по совѣсти*. Законодатель совершенно отдѣлилъ его отъ окружныхъ судовъ и палатъ и отъ кассациі. Я не думаю, чтобы законодатели понимали все пространство, всю важность такого обширнаго суда по совѣсти, въ государствѣ, гдѣ едва не повсюду существовали военныя комиссіи, полицейскія расправы, сокращенные земскіе порядки, — въ государствѣ, гдѣ совѣсть не выработалась ни контролемъ общественнаго мнѣнія, ни духомъ корпорацій, ни юридическими обычаями.

Я опасуюсь въ періодъ наклонности къ уступкамъ одного: наобѣщаютъ болѣе нежели исполнять, болѣе нежели могутъ исполнить и дадутъ право и поводъ роптать, упрекать и требовать \*).

Программа, утвержденная 28 Сентября, вовсе и не подлежала обнародованію. Можно было заявить о ней въ общихъ словахъ, въ одномъ изъ официальныхъ журналовъ, потомъ развить въ подробномъ положеніи и начать примѣнять не постепенно по мѣстностямъ, а постепенно развивая институтъ гласности, несмѣняемости, адвокатуры и присяжныхъ. Къ постепенному развитію мирового правосудія есть и пунктъ отправления: мировые посредники. По мѣрѣ ихъ освобожденія отъ крестьянскаго дѣла, они могли бы постепенно принимать въ свое вѣдѣніе гражданскія тяжбы, разбирательства найма, части маклерскую и нотариальную. Я почти увѣренъ, что правительство и вызоветъ и встрѣтитъ препятствія, которыя мало по малу выростутъ въ столкновенія и борьбу.

Я послалъ Валуеву записку о ценсурѣ въ Пруссіи 1840 годовъ, гдѣ описываю тогдашнія обстоятельства, мнѣ лично и подробно извѣстныя, по сношеніямъ съ Гитцигомъ, бывшимъ президентомъ оберъ-цензурогерихта. Я склоняю и убѣждаю на свободу печати и на цензуру

\*) Императоръ Александръ Николаевичъ говорилъ съ митрополитомъ Филаретомъ объ измѣненіи судебнаго дѣла. „Вотъ и другое преобразование готовится, сказалъ онъ. Митрополитъ молчалъ. Я уже получилъ проектъ судебныхъ уставовъ.—Митрополитъ молчалъ.—Что же, владыка, не отзывается? спросилъ Государь. Вѣдь это будетъ судъ не по мертвой буквѣ закона, а по человѣческой совѣсти.—Тогда Филаретъ, указывая на находившуюся въ комнатѣ икону Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, сказалъ: Римское правительство, Палата, готово было освободить Его, но судъ народной совѣсти возложилъ на Него терновый вѣнецъ. Объ этой бесѣдѣ знали немногіе, конечно, со словъ Государя; Филаретъ же не такой былъ человѣкъ, чтобы огласить ее. (Слышано отъ В. А. Кокорева). П. В.



исполнительную, дѣйствующую или общимъ судебнымъ порядкомъ, если преслѣдуется преступленіе или проступокъ, наказуемые по Уложенію, или чрезъ совѣтъ, который дѣлаетъ предупрежденія и запрещаетъ изданіе, дѣйствуя въ послѣднемъ случаѣ по всѣмъ формамъ учрежденія судебного. Чтобы избавить писателей отъ стѣсненія отъ издателей и типографій, какъ это описываетъ Прудонъ въ послѣдней книгѣ своей (*De la propriété littéraire*), я полагаю дозволить авторамъ, издателямъ и типографіямъ выбирать себѣ ценсоровъ изъ лицъ правительству извѣстныхъ и принимающихъ въ управленіи извѣстную степень участія, напр. старшіе учителя, совѣтники коллегій. Министры наши такъ заняты, что едва ли Валуевъ найдетъ время прочесть эту записку.

Меня въ нашихъ реформахъ поражаетъ одно: какъ онѣ легко дѣлаются и даются. Впрочемъ, можетъ быть, это такъ кажется вдали отъ правительственной дѣятельности, какъ нахожусь я. Но тѣмъ не менѣе легковѣріе, съ которымъ наши государственные люди принимаютъ отвѣтственность за введеніе общихъ положеній, для меня во крайней мѣрѣ, поразительно. Крестьянское дѣло, такъ спѣшно развязанное, совершалось подъ вліяніемъ либерализма Ростовцова, окруженнаго исполнителями самаго демократическаго цвѣта, „краснаго“, какъ говоритъ старая партія. Это Милютинъ, Самаринъ, кн. Черкасскій, Соловьевъ, Семеновъ и др. Дворянство было погребено „за разъ“. Оно едва опомнилось, переходъ былъ сдѣланъ незапно. Оно закрамольничало. Надобно было не гладить его противъ шерсти. Данской уволенъ, а съ нимъ и Милютинъ. Выжившій изъ ума Блудовъ уступилъ мѣсто князю Гагарину, въ М-вѣ Внутр. Дѣлъ партія Шуваловыхъ нашла Валуева. Начались уступки. Въ порывѣ негодованія, дворянскія собранія требовали обязательнаго выкупа. Валуевъ его выработалъ. Соединившись съ гр. Панинымъ и кн. Долгорукимъ, Валуевъ рѣшился и земскую (полицейскую и хозяйственную) власть передать дворянству. Кн. Гагаринъ задумалъ тоже о мѣстной власти судебной: мировые учрежденія. Они поставили началомъ назначеніе по выбору, а цензомъ (основаніе выбора и избранія) исключительно поземельная собственность.

Я думаю, и обязательный выкупъ, и значеніе поземельной собственности не приведутъ къ желаемой цѣли. Англійскія уновленія у насъ не имѣютъ элементовъ. Мы сложились изъ демократіи и чиновничества. Мы и мировыхъ посредниковъ не могли учредить, не давъ имъ чина и жалованья. У насъ предводители дворянства просятъ жалованья. Я понимаю представительство, налоги, ревизію по поземельной собственности, и то неисключительно, но чтобы она же была условіемъ отправленія власти и исполнительной и судной; для этого нуженъ особый классъ, котораго у насъ нѣтъ.

\*

Наконецъ-то я догналъ время, прочелъ накопившіеся листы и книги. Экая давка событій, экой напоръ демократіи, эдакое ослѣпленіе исключительныхъ убѣжденій! Если мы привыкли къ своекорыстнымъ видамъ Англіи, одинаково помогающей и *statu quo* въ Турціи, и революціи въ Италіи, если мы привыкли ничему не вѣрять въ дѣйствіяхъ Наполеона, который дѣйствительно очень можетъ быть затрудненъ что выкинуть бы новенькаго, дабы терпѣливѣе держать въ цѣпи ведетовъ благородную націю, счастливая ее и демокритизаціей налога, отмѣною дополнительныхъ кредитовъ, свободою слова въ Сенатѣ и Палатѣ, успѣхами оружія въ Кохинхинѣ и Мексикѣ; если мы привыкли къ этому, ибо созерцаемъ давно: то едва ли скоро привыкнемъ къ тому, что дѣлается въ Италіи, Турціи и Германіи. Въ Италіи дѣйствуетъ право патріотовъ. Изъ гроба вынули какую-то куклу и кричатъ: Италія воскресла, воистину воскресла! Патріоты вербуютъ полки, Туринское правительство съ ними въ сдѣлкѣ, попускаетъ, поощряетъ, помогаетъ имъ; патріоты недовольны этою куклою и говорятъ: „ей надобно сердце, мы пойдемъ на Римъ“. Министерство отвѣчаетъ; правда, но въ Римѣ Наполеонъ „вѣрнѣйшій сынъ церкви. Мы туда пустить васъ не можемъ. вы насъ компрометируете, и не драгся же намъ съ тѣмъ, кто насъ облагодѣтельствовалъ“? И за тѣмъ что же предлагаетъ Ратаци? „Если вы пойдете въ Морею или Герцеговину (чортъ васъ возьми, ступайте куда хотите, только отъ насъ подальше), то мы готовы помочь вамъ“. Да, но что же это за государство, что это за право, что это за правильное правительство?

Франція и Англія желаютъ поддерживать *statu quo* въ Турціи и Греціи, а Россія, напротивъ, требуетъ революціи. Посылаютъ ноты, лелѣютъ своего Гарибальди. Панславизмъ (Славянскій Комитетъ, Русскія посланія братьевъ къ Турецкимъ Славянамъ) Сербамъ, открываетъ официальную подписку въ пользу Черногорцевъ, настаиваетъ на вмѣшательствѣ Европы, говоритъ, что Турція нарушаетъ трактатъ Парижскій, что она хочетъ задавить Сербію и Черногорію. Кн. Горчаковъ въ Лондонѣ Лобановъ въ Портѣ пишутъ нота за нотой. Журналы наши, особенно „День“ и *Journal de S't-Pétersbourg*, разсыпаются въ протестахъ, а Омеръ-паша занялъ Черную Гору, и Джонъ Россель отвѣчаетъ: если Черная Гора независимое государство, мы и никто не мѣшаетъ ей воевать и защищаться; если она Турецкая подданная, никто не можетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла государства. Дж. Россель такъ любитъ *statu quo* въ Греціи, съ которой по сосѣдству другая Сицилія, ожидающая другаго Гарибальди, что готовъ прославлять и правительство Оттона Баварскаго. Династіи этой не уцѣлѣть. У нея нѣтъ ни корней, ни симпатій, ни поддержки. Правительство должно быть національно.

Въ Германіи, Пруссіи и Австріи дали конституціи и не хотятъ исполнять ихъ. Поколѣніе конституціонныхъ государей еще не народилось у Нѣмцевъ. Столкновеніе палаты и короля въ Пруссіи важно тѣмъ, что Европа вѣрила Прусской конституціи и что оппозиція съ обѣихъ сторонъ ведется *систематически*. Новый президентъ Бисмаркъ-Шёнгаузенъ не примиритъ раздора. Онъ не пользуется довѣріемъ и весьма одностороненъ. Какъ въ Австріи, такъ и въ Пруссіи правительства теперь не уступятъ, чтобы потомъ уступить болѣе. Есть же, наконецъ, право обоюдно признанное. Два раза король повѣрялъ свои виды новыми выборами, и все таки упорно стоитъ за свой *личный* прое́ктъ военной организаціи. Личность короля, по конституціи, вѣдь всякаго вопроса, и самое вмѣшательство ея есть преданіе.

\*

Подольское дворянство составило, подписало и прислало адресъ, въ которомъ, прося объ административномъ присоединеніи къ Царству Польскому, обращаетъ вниманіе Государя на бѣдственное положеніе края, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни школъ, ни порядочнаго управленія. Предводители этого дворянства преданы суду во 2 отдѣленіи 5 департамента Сената. Я понимаю эту крамолу дворянства. Нигдѣ крѣпостное право не имѣло такой числительности какъ въ Подоліи. Уничтоживъ связь дворянства съ земствомъ, правительство усилило тѣмъ всегда ненавидимый, особенно въ Западныхъ губерніяхъ, элементъ чиновничества, чиновничества Русскаго. Чтò терять дворянству?

По моему мнѣнію правительство напрасно полагается на судебное прещеніе. Судъ у насъ, и особенно Петербургскій Сенатъ, не пользуется довѣріемъ и не имѣетъ никакого вліянія. Онъ и въ дѣлахъ негораздъ. Онъ уже напуталъ по дѣлу Тверскихъ дворянъ. Онъ напутаетъ и здѣсь. Крамоль дворянскихъ надобно было ожидать. Правительство дѣйствуетъ очень непослѣдовательно. Уничтоживъ крѣпостныхъ владѣльцевъ, оно оставляетъ собранія, избираемыя по крѣпостному ценсу. Но и удерживая собранія въ этомъ положеніи, правительству слѣдовало, по опыту и внутреннихъ губерній, и Могилевской, озаботиться предупрежденіемъ подобныхъ манифестацій, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи формальной законности ихъ. Въ настоящее время надобно ожидать подобныхъ выходовъ вездѣ.

Всѣ газеты и журналы все еще полны восхищеніемъ нашихъ судебныхъ реформъ. Подлинно восхищеніемъ. Государь даетъ льготы и права съ роскошью, расточительно, невозбранно. Но восхищеніе это не совсѣмъ обдуманно. Прославляютъ реформы какъ заимствованія Французскія, добытыя опытомъ и жертвами многихъ поколѣній. Въ „Сѣверной Почтѣ“ 14 Октября напечатана моя маленькая „Нелишняя замѣтка“.

въ которой я обращаю вниманіе на одну сторону реформы, едва замѣчаемую газетами, это—судъ по совѣсти, нѣчто въ родѣ courts of equity Англій. Правда, канцелярскіе суды не внушаютъ особеннаго довѣрія въ умахъ серьезныхъ, но осуществленіе Кантовскаго „права безъ принужденія“ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ изученія, особенно при полномъ развалѣ мудренаго ученаго права и канцелярскаго суда.

Едва-ли не одно изъ самыхъ практическихъ преобразованій: положеніе о порядкѣ составленія смѣтъ, утвержденное 22 Мая 1862 г. Правила объ этомъ, изложенныя въ счетномъ уставѣ, весьма недостаточны и дополнялись практикою, которая, въ этомъ должно сознаться, развилась рационально, особенно въ военныхъ министерствахъ. И не въ этихъ правилахъ заключается реформа 1862 г. Достоинство ея въ единствѣ смѣтъ, требующемъ единства касель. Это мѣра радикальная и приведетъ къ добру. У министровъ столько было смѣтъ, сколько они хотѣли имѣть. Министерство Имуществъ составляло: а) общую смѣту, б) смѣту общественнаго сбора (болѣе 5 м. р.), в) смѣту лѣсную (около милліона), г) смѣту хозяйственную (тоже) и д) частныя смѣты по разнымъ случаямъ. Теперь надобно составлять одну. Теперь расходовать по особымъ смѣтамъ и изъ особыхъ капиталовъ не будетъ. Это много способствуетъ стройности и единству, но, можетъ быть, это будетъ имѣть вліяніе менѣе благоприятное, на развитіе частей управленія. Общая касса небрежлива, способна поглотить все и напротивъ скупа и отрѣзываетъ даже нужные расходы, когда сама въ нуждѣ, а они почти всегда въ нуждѣ. Развивающемуся управленію нужна свобода средствъ, даже для опытовъ и ошибокъ, безъ которыхъ ручательство успѣха ограничивается рутинною, бюрократизмомъ. Конечно расточители, какъ генер. Муравьевъ, и скопщики, какъ графъ Киселевъ, требуютъ обузданія, но можно обуздывать не стѣсняя, гласностію дѣйствій, употребленіемъ остатковъ, подчиненіемъ дѣйствій общей ревизіи.

Мы, въ Министерствѣ Имуществъ, заняты теперь составленіемъ и разсмотрѣніемъ смѣтъ по департаментамъ, и сего дня было у меня засѣданіе для лѣсной смѣты на 1863 г. Она, на мой взглядъ, представляется далеко не въ выгодномъ свѣтѣ. Доходовъ изчислено 3,300,000 р., расходовать 1,700,000 р. Чистаго дохода—1.551,463 р. 17<sup>3</sup>/<sub>4</sub> к. И такъ содержаніе обходится въ 53<sup>0</sup>/<sub>100</sub> и даже въ 56<sup>0</sup>/<sub>100</sub>, если принять въ соображеніе, что лѣсныя отдѣленія палатъ содержатся на счетъ общественнаго сбора, и даже болѣе 56<sup>0</sup>/<sub>100</sub>, если оцѣнить сервитуду, по которой министерство беретъ въ годъ день лѣсныхъ работъ съ 2 душъ (около 5 м., дней, которые предположено выкупить за 500 т. р.).

Я не думаю, чтобы гдѣ нибудь лѣса доставляли такъ мало дохода, и управленіе ими стоило такъ дорого. Я соображалъ эту часть бюджета

съ цифрами Прусскими и Французскими и а priori пришелъ къ тому убѣжденію, составившемуся во мнѣ при ревизіи лѣсной части въ губерніяхъ, что управленіе это въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи.

Графъ Панинъ оставилъ Министерство Юстиціи послѣ 24 лѣтняго управленія. Это событіе почти Европейское, потому что въ Россіи и въ Европѣ онъ имѣлъ, и справедливо, незавидную славу. Его считали врагомъ всякихъ преобразованій, безпрекословнымъ слугою двора и пристрастнымъ служителемъ правосудія для себя равныхъ. А помню я, съ какими одушевленными надеждами встрѣчено было его назначеніе въ 1839 г., какъ легко ему было постепенно работать надъ улучшеніемъ суда и занять положеніе, къ которому призывали и его имя, и его состояніе, и его замѣчательный даръ слова и выдержаннаго порядка преній. Было время, когда онъ могъ сдѣлаться главою партіи. Это 1850 годъ, когда императоръ около 10 лѣтъ держалъ его въ немилости, и въ 1860 г. когда новый императоръ назначилъ его распорядителемъ крестьянскаго дѣла. Николаю онъ отвѣчалъ терпѣливою покорностію, Александру—самую гибкую угодливостію. И это его потеряло. Потеряло навсегда. Выбитый изъ колеи новыми реформами, онъ безпрестанно впадалъ въ противорѣчія, то управляя дѣлами и людьми какъ пашалыкомъ, то выставляясь либераломъ донельзя. Уже въ крестьянскомъ дѣлѣ онъ не разъ въ день мѣнялъ свои воззрѣнія, такъ что спѣшливый президентъ комитета спросилъ его: „какого же вы мнѣнія?“ Дворянство смотрѣло на него какъ на предателя. Чиновный людъ, какъ на угодника. Процессы студентовъ и Тверскихъ посредниковъ еще болѣе уронили его. Онъ окончательно упалъ съ окончаніемъ общихъ основаній судебной реформы, въ которой онъ отстаивалъ Сенатъ (безъ гласности) и право царской санціи по дѣламъ привилегированнымъ. Всѣ работы переданы государ. секретарю Буткову, и графъ Панинъ обязанъ былъ исполнять только его требованія. Онъ не догнулъся, выпрямился и ушелъ. Онъ давно бы ушелъ, ибо новое царствованіе въ немъ не нуждалось, и положеніе его между новыми товарищами было невыносимо; но ему помогло одно обстоятельство, сдѣлавшее въ свое время довольно шуму. По плану великаго князя Константина министромъ юстиціи долженъ былъ быть статсъ-секретарь кн. Оболенскій. Кандидатъ этотъ сдѣлалъ двѣ глупости: онъ осмѣялъ проэктъ графа Блудова, предложивъ ввести у насъ Польское судоустройство. Онъ напечаталъ у Герцена біографію гр. Панина, и въ этой біографіи, описывая недостатки министра, очень сильно наперъ на его преданность не только государю и царскому семейству, но и всѣмъ, кто болѣе или менѣе близокъ къ ней. Такой недостатокъ конечно не могъ быть основаніемъ удаленія, и гр. Панинъ, оставаясь на своемъ посту, приготовилъ себѣ преемника—сенатора Замятина, и вышелъ изъ министер-

ства, когда положеніе его сдѣлалось не только ложнымъ, но и унизительнымъ. Думаютъ, что настоящимъ министромъ будетъ Бутковъ\*).

Увольненіе гр. Панина есть торжество новаго поколѣнія и новыхъ началъ. Время переворотовъ ѣсть и стираетъ людей. Гр. Панинъ старъ, чтобы дожидаться возрожденія, ему за 60 лѣтъ. Онъ не оставляетъ никакой партіи и не услышитъ никакого, ни ѣдкаго сожалѣнія; напротивъ всѣ радуются и—чего добраго—готовы выразить удовольствіе, и выразили бы его, если бы былъ приличный поводъ, т. е. если бы преемникомъ былъ не Замятнинъ, а лицо, пользующееся довѣріемъ общественнаго мнѣнія.

Сегодня я былъ у него и записался. Служба въ министерствѣ, при немъ, составляетъ лучшую часть моей служебной дѣятельности. Я много обязанъ его брату, графу Александру; много обязанъ и ему.

Вотъ уже нѣсколько разъ собирались мы въ отдѣленіи Географическаго Общества для назначенія медали за лучшее сочиненіе по части Статистики. Мы были вынуждены принять къ соисканію 8 или 9 описаній губерній офицерами генеральнаго штаба. И только. Я предложилъ переводъ „Статистики Кольба“ съ прибавленіями г. Корсака и „Крѣпостное населеніе“ г. Тройницкаго. Такъ бѣдны мы учеными трудами. Трудомъ мы бѣдны вообще. Легче выработывать, переводя готовыя начала, общія положенія. Отчего это? Гласность есть, источники доступны, читателей не недостаетъ, польза несомнѣнна. Здѣсь двѣ причины: недостатокъ постояннаго труда отъ недостатка требованій (что ни говорили бы газеты о пробудившейся жаждѣ знаній и дѣловомъ направленіи умовъ) и *второе*, удобство мелкихъ вознагражденій за статьи и статейки. Только правительство можетъ издавать въ убытокъ. Славянофилы народъ безкорыстный и въ приглашеніяхъ „Дня“ и Безсонова жалуются на равнодушіе къ изученію народнаго духа и старины Русской. Только правительство и имѣетъ работниковъ, ибо всѣ эти офицеры генеральнаго штаба и г. Тройницкій работали на службѣ и безъ того не написали и не издали бы своихъ сочиненій. Я полагалъ бы, отъ Географическаго Общества назначать задачи и выдавать цѣнныя преміи. Если для этого недостаточны средства общества, помѣщающагося теперь въ казенномъ домѣ, то надобно бы пересмотрѣть бюджетъ его. Авось бы нашлись средства.

Дѣйствія и машинъ, и обществъ зависятъ отъ мастеровъ. Я не имѣю никакого довѣрія къ нашимъ мастерамъ, какъ настоящій фактотумъ Владимиръ Безобразовъ и его патронъ Ѳ. П. Литке. Партія, съ 1861 г.

---

\*) Графъ В. Н. Панинъ уѣхалъ тогда въ свою великолѣпную Гаспру, на южномъ берегу Крыма. Помню, въ Алушкѣ, князь С. М. Воронцовъ сказывалъ мнѣ, что государь Александръ Николаевичъ отозвался ему о графѣ Панинѣ: „Не могу не дорожить имъ: онъ мнѣ пожертвовалъ своими убѣжденіями“. Память о 35 лѣтней оналѣ отца должна была тяготѣть надъ этимъ воспитанникомъ великаго Гёте. П. Б.

выбрала председательствующимъ отдѣленія статистики Евгенія Ламанскаго, который вовсе не статистикъ и не имѣетъ времени быть въ засѣданіяхъ, а онъ выбралъ себѣ въ помощники какаго-то г. Артемьева. И хотятъ, чтобы дѣло шло! Теперь же и не тѣмъ заняты.

Грядущій порядокъ все болѣе выглядываетъ и знаменуется. Онъ знаменуется преимущественно запутанностію отъ борьбы стараго съ новымъ, преданія съ рационализмомъ, династическаго съ народнымъ, нравственнаго съ матеріальнымъ. Со времени побѣды правильной, регулированной революціи 2 Декабря 1851 г. надъ анархической, Европа изъ судорожнаго состоянія перешла въ оробѣвшее, ослабленное и не имѣетъ ни одного дня покоя. Куда бы ни вмѣшался этотъ регуляторъ. въ традиціонныя-ли сношенія Востока или въ анархическія волненія Италіи, онъ ничего не развязываетъ и все запутываетъ. Едва призналъ онъ Европейскую самостоятельность Турціи, какъ готовъ протестовать противъ этой самостоятельности по дѣламъ христіанъ. Едва покрылъ онъ своимъ покровительствомъ самыя наглыя нарушенія международнаго права Туринскимъ правительствомъ, какъ пишетъ ноту про обузданіе Гарибальди, а послѣ побѣды его окончательно даетъ знать, что Римъ никогда не можетъ быть принадлежностію Итальянскаго королевства. А Италія, имѣ же вспомошествоваемая, четвертый годъ только и думаетъ и говоритъ что о Римѣ. Онъ намѣренъ было впутаться и въ дѣла Америки; но, при всемъ подобострастіи, ни Англія, ни Россія не рѣшились отвѣчать на этотъ вызовъ. Я вижу въ правительствѣ Наполеона какую-то усталость, какое-то затрудненіе, въ которомъ изворотливость принимаетъ размѣры государственнаго дѣла, а великая политика значеніе ловкой удачи.

Управленіе юстиціею ввѣрено Д. Н. Замятнину. Никто не хотѣлъ видѣть въ этомъ окончательнаго назначенія. Говорили, что въ министры готовится В. П. Бутковъ, у котораго сосредоточены всѣ работы по судебной реформѣ. Выборъ товарища дѣлаетъ назначеніе Замятнина окончательнымъ. Н. И. Стояновскій, молодой человѣкъ, пользующійся отличною репутаціей, имѣющій дѣловую опытность и слѣдящій за наукою. Онъ вышелъ изъ Училища Правовѣдѣнія въ 1842 г. 10 классомъ. Вскорѣ потомъ, служа въ Сенатѣ, сдѣлался преподавателемъ въ училищѣ уголовнаго судопроизводства и издалъ книгу для руководства, нѣчто въ родѣ компіляціи изъ разныхъ томовъ Свода. Хотя еще въ училищѣ онъ былъ въ связи съ Топильскимъ и гр. Панинымъ, но репутація его началась, когда онъ сдѣлался оберъ-секретаремъ общаго собранія, мастерски обрабатывая дѣла и излагая мнѣнія. Изъ оберъ-прокуроровъ онъ перешелъ въ Госуд. Совѣтъ и оттуда назначенъ теперь товарищемъ министра. Это новое усиленіе партіи лицейство-право-

вѣдовъ, которые подали другъ другу руки и составили замкнутый кружокъ, мѡя рука руку, таща по товарищески своихъ и останавливая другихъ. Камарадерія въ полномъ развалѣ. Головиннѣ тащить Рейтерна, Николаи и Оболенскаго. Рейтернѣ докладываетъ о прибавкѣ жалованья, даетъ назначеніе Гирсу, опредѣляетъ лицейство и правовѣдовъ, въ Казань, въ Одессу. Наименѣе замѣчалъ я этой камарадеріи въ Стояновскомъ. Впрочемъ въ юстиціи кромѣ правовѣдовъ уже никому служить было невозможно. Теперь директоръ и вице-директоръ правовѣды. Состояніе университетскихъ не улучшится.

Я продолжаю болѣть моею болѣзнію: я почти ничего не дѣлаю, а чтò и дѣлаю, то механически, по привычкѣ. А между тѣмъ у меня стеклись дѣла: 1, по Совѣту смѣты и Оберлендскіе дрова, 2, по Географическому Обществу—разборъ сочиненій и просить согласія на выборъ въ ревизоры и 3, особенно по податной комисіи, гдѣ вопросъ о сахарѣ, съ призваніемъ заводчиковъ, получилъ такое живое значеніе, что невольно увлекаетъ и меня. Желалъ бы участвовать и въ судебныхъ комисіяхъ, да не ожидаю пользы. Не понимаю, отчего у меня апатія и лѣнь. Какая-то боязнь, неувѣренность, подозрительность. А жаль! Въ эти эпохи проэктовъ и реформъ нужна энергія. Да энергія слаба, и потому смѣшна. При ускоренномъ ходѣ на кругомъ склонѣ остановиться и остановить трудно, хотя Гизо все-таки правъ, что *ce n'est pas le mal qui est fort, c'est le bien qui est faible*. Постараюсь дать отчетъ, чтò я могъ, могу и смогу сдѣлать хорошаго. Странное дѣло! Говоря „хорошаго“, я почти придаю ему столько пользы и истины, сколько върю необходимости оппозиціи для пользы дѣла. Это еще сила, но уже второстепенная, и ей торжествовать трудно.

\*

Наблюдательный и вдумчивый Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ въ рѣзкихъ чертахъ изобразилъ состояніе Россіи, наступившее вслѣдъ за раскрѣпощеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ. Живучи въ Петербургѣ, онъ знаетъ много такого, чтò не оглашалось въ печати и не распространялось. Москва тоже съ недоумѣніемъ и негодованіемъ относилась къ Петербургскимъ мѣрамъ и содѣяніямъ. М. Н. Катковъ въ передовой статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ мѣтко и художественно изобразилъ добродушнаго, толстогубаго Отелло и коварнаго Яго съ тонкими чертами лица. Марціалъ нашихъ дней, С. А. Соболевскій, не придавая большого значенія толкамъ и нареканіямъ, ограничился шуточнымъ четверостишіемъ:

Wir leiden alle an dem Splien,  
Und Nichts kann uns erheutern,  
Hängt man nicht auf den Konstantin  
Mit Golownin und Reutern

Конечно, это сообщено было лишь немногимъ. Ш. Б.